

НЕ ЖИЗНЬ, А ДЕКОРАЦІЯ...

(Изъ провинціальнихъ настроеній).

I.

Е ЗНАЮ БОЛЬШЕ подходящаго выраженія для определенія текущей русской дѣйствительности, какъ то, которое поставлено въ заголовокъ этихъ очерковъ. Куда ни оглянешься, какихъ сторонъ ни коснешься, вездѣ и во всемъ решительно преобладаютъ «декорациі», а подлинной «жизни» за ними почти не видно и не слышно. Много декорацій надѣлано и донастивлено вездѣ и въ самыхъ бойкихъ нашихъ центрахъ, и въ самыхъ медвѣжьихъ углахъ глухой провинціи, и на верхахъ общества, и въ мужицкомъ царствѣ, и на днѣ русской жизни. Это подавляющее количество декорацій вездѣ задаетъ тонъ и всюду назойливо лѣзетъ въ глаза, затѣняя подлинную жизнь и отодвигая ее куда-то далеко на самый задний планъ, гдѣ и съ огнемъ ея не сыщешь. И декораціи, надо правду говорить,—прескверныя, грубой, топорной работы и самыхъ нелѣнныхъ красокъ, въ невозможныхъ сочетаніяхъ, отвратительныхъ до тошноты. Но что же дѣлать!.. приходится и декораціями заняться, разъ ничего болѣе жизненнаго не даетъ сей-часъ наша провинціальная дѣйствительность.

Разумѣется, я врядъ ли коснусь и милліонной доли тѣхъ явленій декоративнаго свойства, какими, къ сожалѣнію, такъ богата рус-

ская жизнь: Приходится ограничиться сравнительно немногими фактами и именно изъ области личныхъ наблюдений, не касаясь того бездонного кладезя, какой представляетъ по этому предмету публицистика. Наблюденія относятся къ самому послѣднему времени и лишь изрѣдка дополняются небольшими экскурсами въ недавнее прошлое, для лучшей иллюстраціи.

Надо еще оговориться, что заголовокъ очерковъ принадлежить не мнѣ, а позаимствованъ у одного благополучнаго россіянина. О немъ кстати упомянуть, такъ какъ и онъ самъ представляетъ довольно типичное явленіе изъ міра русскихъ декорацій.

На нижнемъ плесѣ Волги бѣгасть маленький пароходикъ «финляндскаго» типа, принадлежащий къ флотиліи путейскаго вѣдомства, именно къ отдѣлу «техническаго надзора» надъ рѣкой. Какъ ни наблюдаютъ за пароходикомъ приглядѣвшіеся къ нему обыватели, но никакъ не могутъ уловить функций этого представителя «техническаго» якобы «надзора» за Волгой и ея притоками. Бѣгасть себѣ пароходикъ туда и сюда, кого-то и что-то перевозить, но при чемъ тутъ Волга, и въ чёмъ состоитъ «техническій надзоръ» за нею—представляется совсѣмъ непонятнымъ...

Замѣтили обыватели и ту особу изъ «водяновскихъ» чиновъ, которая все лѣто катается на пароходикѣ. Это толстякъ колossalныхъ размѣровъ, съ трудомъ помѣщающійся въ маленькой каюткѣ пароходика. Хотя ради его и расширили двери каютки, а все же толстякъ не можетъ самостоятельно выбраться изъ нея, и матросы пытаются его оттуда па палубу чуть не водокомъ. Провѣтривается наверху толстякъ и снова скроется къ каюткѣ. Въ этихъ мимолетныхъ визитахъ на палубу, повидимому, и заключается весь «техническій надзоръ» за рѣкой, ибо толстякъ носить званіе «техника»... Но обыватели больше склонны считать толстяка за неизбѣжный балластъ, необходимый для неустойчиваго пароходика.

Скоро, однако, обыватели раскусили, въ чёмъ заключается главная миссія пароходика: оказалось, что онъ служить цѣлямъ развитія... пивной промышленности. Рейсируя между 2—3 приволжскими городами, пароходикъ ежедневно закупаетъ по три дюжины пива—и все эти 36 (sic) бутылокъ неукоснительно потребляетъ въ теченіе сутокъ одинъ техникъ-толстякъ...

Отъ команды пароходика обыватели узнали, что только послѣ 10-й бутылки пива толстякъ приходитъ въ норму и, потирая руки, благодушно восклицаетъ: «не жизнь, а декорація!..» Пройдется онъ, посидитъ, полежитъ, посмотритъ на Волгу, выпьетъ, закуситъ—и все умиляется, повторяя на все лады: «не жизнь, а декорація!..»

И такъ идетъ у него изо дня въ день, въ теченіе всей навигаціи, толстякъ благодушествуетъ, катаясь по Волгѣ и пополняя свои запасы пива. Какъ будто и дѣлодѣлаетъ, бороздя воды своего участка,

но это—одна «декорация», какъ онъ самъ добросовѣтно сознается, вѣчно повторяя свое любимое выраженіе.

Будемъ ему благодарны за это удачное выраженіе, лучше кото-
рого не придумаешь для определенія данной минуты...

II.

Разъ пришлось начать съ гг. «водяновскихъ» чиновъ, то надо и
закончить съ ними, благо они всегда даютъ массу фактовъ декора-
тивного свойства. Приводимые ниже факты дополняютъ уже отмѣчен-
ные въ прошлогоднихъ очеркахъ (см. въ «Неразберихъ» IV главу
о «волжскихъ пиратахъ»).

Въ одномъ изъ ирежнихъ очерковъ ¹⁾ я рассказывалъ, какъ
въ гор. Варнавинѣ, Костромской губ., прихожане соборной церкви
изъ подгородныхъ деревень принимаютъ мѣры для укрѣпленія
горы, на краю которой стоитъ старая деревянная церковь, а подъ
нею лежать мощи мѣстно чтимаго св. Варнавы. Крестьяне увѣрены,
что церковь никогда не сползетъ, такъ какъ-де «преподобный
Варнава зналъ, гдѣ ему лѣчь навѣки нерушимо». Да и путемъ
основательнаго изученія почвы они убѣдились, что па горѣ мѣстами
плывутъ только верхніе слабые покровы, а основа горы, какъ со-
стоящая изъ каменистыхъ породъ, незыблема. Плывущіе верхніе
покровы прихожане укрѣпляютъ своими мѣрами и своими сред-
ствами, ни отъ кого не требуя ни гроша субсидіи, и обѣщаются всегда,
когда понадобится, производить даромъ эти работы. Они даже
ручаются въ будущемъ за своихъ дѣтей, что и тѣ позаботятся о
Варнавиной горѣ, лишь бы не трогали преп. Варнаву, а то онъ
«уйдетъ» отъ нихъ ²⁾). Говорилось это въ виду проекта сломать
старую церковь, красиво висящую на обрывѣ горы, и перенести ее,
съ мощами св. Варнавы, въ болѣе «безопасное» мѣсто.

Какъ видите, тутъ все обстоитъ благополучно и никакихъ деко-
рацій не требуется. Однако онѣ вдругъ явились и съ самой неожи-
данной стороны... За «укрѣпленіе» завѣдомо крѣпкой горы взялось
не духовное вѣдомство, даже не городъ съ земствомъ, а... путей-
ское вѣдомство...

Правда, Варнавина гора находится на берегу р. Ветлуги, под-
чиненной «судоходному надзору», и лежить вблизи пароходной
пристани Варнавина. Но гора не имѣеть ни малѣйшаго отноше-
нія ни къ рѣкѣ, ни къ судоходству, ни къ городской пристани.
Между подошвою горы и рѣкою лежитъ широкій бечевникъ, и если
бы гора совсѣмъ сползла сюда, то Ветлуга и не охнетъ.

¹⁾ См. «Затишье» въ «Ист. В.», 1909 г., № 3.

²⁾ Въ недавнее время среди варнавинцевъ стала расти легенда, что «п. еп.
Варнавы уже неѣтъ въ Варнавинѣ —ушелъ въ Царьградъ».

Словомъ, гг. водяновскимъ нѣтъ и не предвидится ни малѣйшаго дѣла до Варнавиной горы, а они вдругъ заинтересовались ею, выхлопотали у министерства 14 тысячъ и стали орудовать. Ковырялись они около горы и зимою 1909 г., и весною 1910 г., задумали строить какую-то дамбу, вбили 4 сваи — и на томъ покончили...

Вѣроятно, отищенныхъ денегъ уже не хватило и придется просить о дополнительномъ кредитѣ, затѣмъ о ремонтѣ «4 свай» и т. д. А вбитыя сваи, дѣйствительно, уже требуютъ ремонта: грунтъ оказался такимъ каменистымъ, что сваи не падутъ глубоко и быстро расщепляются, несмотря на надѣтые на нихъ желѣзные «башмаки».

Г-да водяновскіе охотно ухватились за это чисто декоративное дѣло, вѣроятно, отъ бездѣлья и скучи... Прошло то время, когда на Волгѣ буквально бросались въ воду миллионы, пройдя, конечно, предварительно сквозь цѣпкія руки строителей безнолезныхъ и вредныхъ дамбъ, плотинъ и т. д. За отсутствиемъ миллионовъ, надо радоваться и немногимъ тысячамъ. И невольно припоминаются иѣкоторыя «декорации» изъ недавняго прошлаго, когда память о миллионахъ уже отошла въ область преданій, по тысячи бросались въ воду еще довольно свободно.

Устье р. Ветлуги при впаденіи въ Волгу развѣтвляется на два рукава, огибающіе маленькой островокъ. Оба пролива сильно заносятся песками, и одинъ сталъ совсѣмъ ненеобходимымъ для судовъ, а второй они съ трудомъ проходятъ. Чтобы сдѣлать послѣдній болѣе многоводнымъ, рѣшено было первый ироливъ загородить плотиной. На эту работу было отпущено 17 тысячъ.

Первымъ дѣломъ — разсказывали очевидцы — строители сняли въ ближайшемъ гор. Козьмодемьянскѣй прекрасную квартиру, завели громадную канцелярію, «привезли изъ Казаніи 10 дѣвокъ» (ибо въ скромныхъ городкахъ этого строительного матеріала не водится), бочки вина, горы закусокъ и т. д. И пошла тутъ «не жизнь, а декорация»...

А на устьѣ Ветлуги сидѣли десяткини съ рабочими и что-то ковыряли въ водѣ. Тысячъ пять здѣсь брошено въ воду на безнолезия, не доведенные до конца (за оскудѣніемъ кредита...), чисто декоративныя работы.

На Сормовскихъ заводахъ водяное вѣдомство заказало для своихъ нуждъ «камнедробилку», т. е. судно съ машинною, которая поднимаетъ камни со дна рѣки, раздробляя ихъ. «Нодѣемный кранъ», «рамы» и другія части машины вѣсятъ до двухъ тысячъ пудовъ, а корпуспусть судна сдѣланъ не желѣзный, а деревянный и очень жиленыкій. Заводскіе техники указывали на эту ненормальность, но водяновскіе настояли на своемъ... На что имъ прочное судно, разъ оно не требуетъ ремонта?!

Сормово взяло 50 тысячъ и соорудило требуемое судно. Камнедробилку свели на Кременскій перекатъ, и здѣсь, при первой же

работъ, оно было разбито своимъ же подъемнымъ краномъ... Слабый кориусь не выдержалъ тяжести крана, который, къ счастью, упалъ на сторону, только помявиши борта и едва не перевернувшъ судно. Упали кранъ въ середину, въ машинное отдѣленіе, произошелъ бы взрывъ котла и все связанные съ нимъ ужасы пожара и гибели людей.

Пашло судно на ремонтъ. Водяновскіе снова отказались отъ желѣзного корпуса и оставили тотъ же деревянный, сдѣлавши его иѣсколько крѣпче. Эта сомнительная «декорация» работаетъ теперь съ трудомъ и не безъ опасности подъ Саратовомъ, доставая камни изъ пресловутыхъ миллионныхъ дамбъ, созданныхъ иѣкогда г.г. водяновскими «въ цѣляхъ улучшения судоходства», а нынѣ разрушаемыхъ ими же и буквально въ тѣхъ же цѣляхъ «улучшения судоходства»...

За отказомъ казны бросать деньги въ воду, водяновскіе обратили вниманіе на берега и тутъ выступаютъ съ разными декоративными проектами, то насчетъ миной охраны св. Варнавы, то съ предложеніемъ устроить береговой телефонъ, и т. п. Такой телефонъ существовалъ въ 1890-хъ гг. между Нижнимъ и Казанью, но быть такъ иельпо устроенъ водяными инженерами, что въ первую же весну поемная вода унесла большинство столбовъ. Теперь же они предлагаютъ проложить проволоку подъ землю и подъ водою. Большая работа, а ремонту-то сколько понадобится, и безъ конца...

Наивные люди увѣряютъ, что постройка нового телефона обойдется не особено дорого, такъ какъ-де «дорогая мѣдная проволока старого телефона вся собрана и хранится въ Казани»... Увы! одинъ волгарь рассказалъ мнѣ, какъ «собиралась» эта проволока и какъ затѣмъ хранилась она въ Кабачищенскомъ затонѣ подъ Казанью...

Для снятія проволоки былъ назначенъ путейскій пароходъ, который чуть не все лѣто провозился надъ этимъ нехитрымъ дѣломъ. Съ нимъ не торопились, такъ какъ вся команда убѣдилась, что дорогая проволока паходить отличный сбыть на всѣхъ попутныхъ пристаняхъ. Такъ и «кормились» сътно и ильно весь путь отъ Нижняго до Казани...

Остатки проволоки были сданы на храненіе въ путейскіе склады Кабачищенского затона, но она такъ «хранилась», что не тащилъ ея только тотъ, кто не хотѣлъ тащить. Команды зимовавшихъ здѣсь судовъ благословляли судьбу за ниспосланный кладъ... Кому приходила охота побесѣдовать съ «мерзавчикомъ», тотъ спокойно шелъ въ складъ, отламывалъ проволоки, сколько надо, и несъ ее, куда слѣдуетъ. Такъ и пропили за зиму казенное добро сами охранители его...

При закупкѣ разныхъ припасовъ для путейскихъ пароходовъ обычно продѣливается такой извѣстный пріемъ: «въ одни ворота склада,—рассказывалъ одинъ водяновскій чинъ,—привозятся нефть,

масло и другіе припасы, а въ другія ворота они вывозятся и за полночны продаются тѣмъ же поставщикамъ»...

На одномъ путейскомъ пароходикѣ поставили новую форсунку и для испытанія ея командировали особаго техника, съ суточными, прогонными и т. д., хотя на пароходикѣ сидѣлъ свой техникъ, тоже не лыкомъ шитый. Оба техника благодушествовали въ каютахъ, а испытаніе форсунки производила своя машинная команда, дѣлавшая такъ: одно ведро нефти шло въ машину, а другое за бортъ... По такому «расходу» и расчетъ сдѣлали.

Недѣлями и мѣсяцами путейские пароходы стоять безъ паровъ, а расходъ на толиво и прочее выписывается каждыя сутки... и т. д. Конца краю нѣть подобнымъ подлымъ «декораціямъ» водяновской «службы»!..

По случаю мелководья прошлой навигаціи, съ іюля открылись въ разныхъ пунктахъ Волги «обмѣрные посты», которые обязаны провѣрять осадку судовъ груженыхъ и пропускать ихъ для дальнѣйшаго хода, или задерживать и заставлять «паузиться», если нагрузка была чрезмѣрна и суда не могли пройти на слѣдующихъ перекатахъ. Эта обмѣрка—дѣло весьма нехитрое, и его легко могли бы обслуживать 2—3 человѣка изъ наличнаго состава водяновскихъ чиновъ, которыхъ вездѣ масса, всѣ они слоняются безъ дѣла и скучаютъ отъ бездѣлья. Но водяныя власти не привлекли къ этому пустому дѣлу своихъ чиновъ, а наяли новыхъ временныхъ работниковъ, тратя на каждый обмѣрный постъ болѣе 200 р. въ мѣсяцъ.

Въ Васильсурскѣ «обмѣрщиками» состояли 3 студента, получавшіе каждый 50 р. въ мѣсяцъ, а при нихъ 5 гребцовъ (больше подростки), съ платою каждому 12 р. (старшему рулевому больше). Не скучаясь на жалованье, путейское начальство помѣстило этихъ 8 человѣкъ въ такихъ мурьяхъ, въ какихъ не всякий бурлакъ согласится проживать...

У пристани Каменскихъ поставили на якоряхъ и причалѣ 2 крытыхъ суденышка, въ родѣ «косоушекъ», длиною меныше 3 сажень, шириной около 1 сажени. На налубахъ устроены каютки-муры, менѣе 2 саж. длины и полсажениширины, и въ нихъ болѣе 2 мѣсяцевъ «жили»,— на одномъ суденышкѣ 3 студента, на другомъ 5 рабочихъ...

И это продѣльвалось въ холерное время... Вирочемъ, то ли еще творилось на Волгѣ, подъ опекою гг. водяновскихъ...

Дожидаясь въ городѣ Хвалынскѣ парохода на Меркурьевской пристани, я замѣтилъ въ пассажирской каюте чай-то хламъ на лавкѣ—какую-то рвань изъ платья, узелки и пр. Подлѣ вертѣлся мальчишка и перебиралъ въ корзинѣ колбасы. Спрашиваю его:

- Куда ёдешь?
- А никуда... я здѣшній... продаю вотъ колбасу по пристанямъ,
- Чай же это багажъ?
- Да тутъ живеть холерный мужикъ,,,

— Какой холерный?

— А который снимает холерныхъ съ пароходовъ и возить ихъ въ городъ, въ больницу... А я ему когда помогаю, а когда торгую колбасой... Не угодно ли? самая свѣжая!..

— Спасибо, братъ...

Въ пассажирской каюте «образцового» пароходства «живеть холерный мужикъ», тутъ же валяется его рвань, въ которой онъ «снимает холерныхъ», тутъ же стоитъ и корзинка съ колбасами, кои продаетъ пассажирамъ помощникъ «холернаго мужика!..

Не дождавшись «образцового» парохода, я сѣлъ па пароходъ Волжскаго общества «Императрица». Рейсъ оказался злосчастнымъ— мы почти весь путь шли «подъ желтымъ флагомъ»: въ Симбирскѣ сдали двухъ холерныхъ, въ Тетюшахъ одного, въ Ставрополѣ— умершаго не отъ холеры грудного ребенка, на сдачу котораго потребовалось болѣе 2 часовъ, пока явилась полиція за 5 верстъ изъ города (дѣло было въ іюль, на лѣтней пристани). Въ Козьмодемьянскѣ хотѣли сдать пассажира, заболѣвшаго брюшнымъ тифомъ, но докторъ, чтобы отдѣлаться отъ него, призналъ его «холернымъ» и не снялъ, «за отсутствіемъ холернаго барака» въ такомъ большомъ городѣ... Пришлось везти до слѣдующаго путейскаго барака—въ городѣ Василѣ.

Не доходя пристаней, мы остановились противъ барака и стали вызывать доктора. Выѣхала лодка съ 2 сторожами и носилками, причалила къ пароходу. Нашъ командиръ спрашивается:

— А что же докторъ не выѣхалъ?

— Доктора у насъ нѣть...

— Сами возьмете больного?

— Безъ доктора не возьмемъ...

— Зачѣмъ же выѣхали, если нельзѧ безъ доктора?

Публика хохочетъ, сторожа ухмыляются, командиръ горячится, возмущенный весъма этими нелѣпыми задержками изъ-за чисто декоративныхъ «холерныхъ мѣроprіятій»... Пароходу пора уже быть въ Нижнемъ, а онъ еще до Василѣя не дотащился... Волнуются и дѣловые пассажиры, торопившіеся въ Нижній (передъ открытиемъ ярмарки), въ Москву и т. д.

Изъ разспросовъ сторожей оказалось, что надо вызвать мѣстнаго земскаго доктора, получающаго по пяти рублей за каждого холернаго, снятаго съ парохода. Послали за нимъ и, хотя онъ живеть въ 15 минутахъ єзды отъ мѣста нашей остановки, но прїѣхалъ на пароходъ черезъ часъ слишкомъ... Онъ призналъ согласно съ пароходнымъ фельдшеромъ, что пассажиръ боленъ тифомъ, и согласился взять его въ свою больницу.

На всю эту процедуру ушло болѣе 2 часовъ, пока «Императрица» получила разрѣшеніе подойти къ своей пристани въ Василѣ и вы-

пустить пассажировъ. Разумѣется, всѣ эти декоративныя «мѣро-пріятія» только наносили убытки и пассажирамъ, и пароходамъ, не принося никакой существенной пользы въ борьбѣ съ холерой.

III.

Перехожу къ инымъ «декораціямъ» провинціальной жизни, начиная съ низовъ ея—съ гг. мужиковъ. Что ихъ житіе сверхудонизу заставлено всевозможными декораціями — это сноокъ вѣка извѣстно. Всѣ такъ привыкли къnimъ, что не замѣчаютъ ихъ, по на свѣжаго человѣка онъ производить подавляющее впечатлѣніе.

Не могу забыть одну встрѣчу на Волгѣ, въ 1902 году. Тѣхъ я на «волжскомъ» пароходѣ «Царь» до Астрахани, и до Саратова короткое время съ направлявшимся туда на какой-то педагогической съѣзда народнымъ учителемъ съ Волыни. Онъ носилъ громкую баронскую фамилію обруссѣвшей пѣменецкой семьи, былъ прекрасно образованъ, воспитанъ, хорошо знакомъ съ Европой и ея культурой и при всемъ томъ не побоялся идти по скромной и тяжелой дорогѣ сельского учителя, что удалось ему послѣ цѣлаго ряда разныхъ мытарствъ. Чиновники вѣдомства «просвѣщенія» хорошо поняли, что баронъ совсѣмъ не чиновникъ, а идеиный человѣкъ, ради идеи служенія народу добивавшійся учительства. Они долго не давали ему званія учителя, но баронъ добился своего и былъ очень доволенъ работой на излюбленномъ поприщѣ.

Молодой человѣкъ былъ очень симпатиченъ и своей идеиностью, и всѣмъ своимъ нравственнымъ обликомъ—необыкновенною мягкостью, сердечностью, чуткостью, отзывчивостью. Но какая-то глубокая грусть залегала въ его добрыхъ глазахъ и чѣмъ-то трагическимъ вѣяло отъ нѣкоторыхъ его рѣчей на политическія злобы дня. Онъ, видимо, терялся предъ надвигавшейся революціонной грозой, отдаленные раскаты которой и тогда уже чувствовалась знатоками деревни... Черезъ два года послѣ нашей встрѣчи на Волгѣ, т. е. въ самомъ началѣ революціи, я съ прискорбиемъ узналъ, что милый баронъ покончилъ самоубійствомъ гдѣ-то на Волыни, но какимъ именно причинамъ—мы не могли сообщить...

Но во времія нашей встрѣчи на «Царѣ» нельзя было ожидать такого конца: баронъ былъ полонъ жизни, увлекался своимъ дѣломъ, восхищался поэзіей Волги, которую видѣлъ въ первый разъ. Но любящее сердце идеинаго народолюбца, отдавшаго жизнь на служеніе народу, обливалось кровью при поверхностномъ даже знакомствѣ съ жизнью приволжскаго населенія... Мягкій по натурѣ баронъ тутъ негодовалъ, возмущался, нервно хваталъ меня за руку и, указывая на попутные городки, села, деревни, съ жаромъ говорилъ:

— Посмотрите! посмотрите!.. Что же это такое?! Развѣ такъ живутъ люди? Развѣ это настоящая жизнь?! Эти жалкія избы и

домишки, полуразвалившіеся, ободранные... пустые дворы, безъ зелени садовъ... кривыя улицы, всѣ въ навозѣ и всякой дряни... А какъ они одѣваются во всякую рвань... какъ ёдятъ невозможную дрянь—сходите-ка въ третій классъ и посмотрите!.. А какъ пьють, какъ они грубы и жестоки... даже молодежь—и она не даетъ отрады...

Взволнованный баронъ умолкъ. Я попробовалъ смягчить набросанныя имъ краски и защитить волгарей, указывая на ихъ значительную энергию, относительное развитіе, на ростъ духовныхъ запросовъ и т. д. Но баронъ прерваль меня:

— Нѣтъ! нѣтъ, не говорите!.. Знаю, что есть прекрасныя, здоровыя, симпатичныя явленія въ народѣ и у насъ, на Волгѣ, и у насъ, на югѣ, и вездѣ. Но вѣдь это исключенія—и такія ничтожныя, жалкія для миллионныхъ массъ... А общій тонъ жизни народа?—одинъ ужасъ!.. Это вѣдь не жизнь, а такъ что-то полуживое... Масса живеть спустя рукава, кое-какъ, сегодня да завтра... Это не осѣдлый народъ, способный къ культурѣ, а каніе-то кочевники, кое-какъ проживающіе на бивуакѣ... вотъ снимутся и уйдутъ!..

Не оттого ли и погибъ такъ рано этотъ несомнѣнныи народолюбецъ, что окончательно потерялъ вѣру въ народъ и не могъ пережить своего горькаго разочарованія?.. Во всякомъ случаѣ, въ его рѣчахъ было много горькой правды... Если гдѣ у насъ всего болѣе нѣтъ настоящей жизни и всего болѣе она напоминаетъ самыя плохія декорациіи, замѣняющія жизнь, то именно въ деревнѣ.

Безусловно правъ баронъ, называя жизнь мужика «кочевой» и «бивуачной»: эти черты пропекаютъ всюду сверху донизу жизнь мужика. На «бивуакѣ» живуть не только деревенская бѣднота, но и богачи-мужики. Иной тысяччикъ построитъ большой домъ, но несуптный, опасный въ пожарномъ отношеніи, безъ всякихъ хотя бы примитивныхъ «удобствъ» и относительного комфорта. Домъ будетъ обставленъ недешевою мебелью, но грубою, безвкусною, неудобною.

Въ богатомъ с. Спасскомъ Васильского у., какъ и въ другихъ центрахъ кожевенной промышленности, дома богатыхъ скupщиковъ кожъ (съ капиталами въ десятки тысячъ) обставлены дорогой мебелью, стоять горки съ серебромъ и т. п., а тутъ же рядомъ, за легонькой перегородкой, не доходящей до потолка, сушатся кожи, только что снятые съ палаго скота... Угощая гостей чаемъ, закусками и т. д., хозяинъ поминутно бѣгаетъ за перегородку посмотретьть, «какъ спѣютъ кожи», ковыряеть ихъ пальцами, сдираеть куски гнилого мяса и, не помывши рукъ, снова садится за столъ и угощаетъ гостей...

«Кочевники», населяющіе большою приволжскю с. Савелово, откуда начинается Савеловская желѣзная дорога (въ Москву), имѣютъ хороший заработокъ отъ перевозки пассажировъ съ пристани до станціи и обратно, но возятъ ихъ уже много лѣтъ въ «эки-

пажахъ», существующихъ, вѣроятно, со временемъ «скиѳовъ». Это—простыя «навозницы», состоящія изъ двухъ сбитыхъ изъ досокъ стѣнокъ, опускающихся поперекъ, подъ довольно острымъ угломъ, на узенькое дно «экипажа», весьма удобнаго для перевозки навоза, сѣна и т. п., но никакъ не людей...

Но савеловцамъ некогда подумать о настоящихъ экипажахъ, какъ ихъ сосѣдамъ—«кочевникамъ» Кашина уѣзда—о своихъ дорогахъ... Руссія проселочныя дороги пользуются всемірной известностью, но такой, съ позво ленія сказать, «дороги», какъ та, что идетъ съ Сергіевской пристани на Волгѣ до Кашина, трудно найти и между русскими дорогами. Это—отнюдь не дорога, а словно русло изсякающей рѣчки, состоящее изъ непрерывнаго ряда ямъ, колдобинъ, трясинъ, заполненныхъ водою... И если мы остались цѣлы и даже не поломали здѣсь своихъ костей, направляясь въ живописный Кашинъ, то благодаря лишь тому, что мѣстный извозчикъ везъ насъ въ огромномъ, тяжеломъ, крѣпкомъ рыданѣ, вѣроятно, XVIII вѣка. Легкія «навозницы» здѣсь не мыслимы.

А вѣдь эта «дорога» соединяетъ волжскую пристань съ большими, культурными городомъ... Правда, съ Волги ведеть въ Кашинъ и другая, лучшая дорога (отъ Калѣзина), но она вдвое длиннѣе, и большинство ѿдущихъ съ Волги направляется на Сергіево. Годъ назадъ именно по Сергіевской дорогѣ двигалась въ Кашинъ масса богоомольцевъ, ѿхавшихъ на открытие мощей св. Аины Кашинской. Говорять, тогда дорога была «малость исправлена». Мы мучились на этой дорогѣ годъ спустя, но не замѣтили никакихъ слѣдовъ исправленія.

Извѣстно, какъ у насъ «исправляются» руками мужиковъ подобныя дороги... Нѣсколько лѣтъ назадъ посѣтила Василь высокая особа, вояжировавшая по Волгѣ. Захотѣлось ей побывать въ сосѣднемъ Черемисскомъ мужскомъ монастырѣ, и начальство нагнало чинить дорогу крестьянъ подгородной Пахотной слободы. Встрѣчаю одного изъ представителей власти и говорю:

— Захлопотались вы... но пѣть худа безъ добра: вотъ монастырскую дорогу поправите...

— Э! намъ хоть бы на часъ поправить, пока высокій гость проѣдетъ...

Въ томъ же Василѣ зимняя дорога идетъ по самой Волгѣ, у праваго берега. Въ шести верстахъ ниже города, за Тюльбевымъ перевозомъ, этотъ зимнякъ переѣкаетъ «теплые ключи» (ржавые желѣзистые), которые не даются укрѣпиться льду, размываются его, и онъ проваливается. Каждую зиму здѣсь тонутъ люди, лошади, сани... и каждую зиму дорогу прокладываютъ тутъ, хотя обойти эти «теплые ключи» очень легко и просто, проведя дорогу ближе къ лѣвому берегу, то есть удлинивъ ее около полверсты. Но «кочевникамъ» лѣнъ и это сдѣлать, и они отѣлываются обычнымъ «мотивомъ»:

— Ничаво, коли кто и выкупается за зиму... мѣсто тамъ не
больно глубокое... Споконъ вѣка тутъ Ѵздили...

Кое-что изъ обычаетъ «споконъ вѣка» было и хорошее, а теперь пошло на смарку. Крайне рѣдко гдѣ можно встрѣтить прочныя до-мотканыя матеріи, коимъ вѣка иѣть, какъ и стариные сарафаны и другія одежды, такъ прекрасно приоровленныя къ деревенской работѣ и всей обстановкѣ, равно и къ нашему климату. Ихъ замѣнили неудобныя «городскія платья» изъ пепрочнаго ситчика, «спиножаки» и т. п. быстро изнашивающіеся «модные» костюмы. Оттого русская толпа въ своемъ рабочемъ одѣяніи представляетъ нѣчто очень рваное, грязное, безцвѣтиное...

Ухудшилось и питаніе народное. Народъ видимо слабѣеть отъ недостаточной и однообразной пищи. Въ тѣхъ мѣстностяхъ по верхней Волгѣ, Шекснѣ, Мологѣ и др., гдѣ развиты маслодѣльные и сыроваренные заводы, дѣти остаются безъ молока и плохо развиваются. Здѣсь же, какъ почти по всей Волгѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ, идетъ усиленная скучка яицъ для городовъ и заграницы, и народъ совсѣмъ пересталъ потреблять этотъ полезный продуктъ. Домашняя птица и порѣдѣвшая въ оскудѣвшихъ лѣсахъ дичь также идетъ на продажу, не попадая на крестьянскій столъ.

Въ изсякающихъ рѣкахъ, рѣчкахъ, озерахъ все менѣе и менѣе становится рыбы, она дорожаетъ и становится мало доступною для крестьянъ. На уменьшеніе рыбы сильно повліяли чисто хищническіе пріемы и орудія ловли, въ родѣ «шашковой снасти» (или «черной снасти»), доселѣ излюбленной рыбаками, хотя «запрещенной» еще Петромъ Великимъ...

Только недавно додумались у насъ до рыболовнаго «надзора», заведенного повсемѣстно (раньше онъ существовалъ только на низахъ Волги, на Каспіи, Уралѣ, на Дону и т. п. крупныхъ рыболовствахъ). Но этотъ «надзоръ» сразу же оказался чисто декоративнымъ... Напримѣръ, въ Самарѣ надзоръ порученъ мѣстному обществу любителей рыбной ловли, которое завело специальный пароходикъ для контроля за ловцами и тояями. Но гг. контролеры ухитрились завести пароходъ съ такой шумной машиной, что ее слышно за 30 верстъ... И пока онъ подойдетъ къ рыбакамъ, тѣ не торопясь припрятуть всѣ запрещенные снасти и съ видомъ невинныхъ младенцевъ безбоязненно встрѣчаютъ «контрольный» пароходикъ, а проводивши, помираютъ со смѣху надъ нимъ...

И вездѣ на Волгѣ, Ветлугѣ, Сурѣ, на Камѣ съ ея притоками свободно разгуливаетъ «запрещенная» черная снасть, употребляемая специально для ловли самой дорогой рыбы—стерляди, и губящая ее бесполезно для человѣка (пораненная рыба срывается съ крючковъ и гибнетъ). Рыбаки увѣряютъ, что «стерлядь любить шашковую снасть», т. е. всего больше на нее ловится. Это, пожалуй, и правда, однако вотъ на Шекснѣ въ ходу совершенно другая и

безвредная снасть—«кужовая» («кужи»—плетушки изъ черемховыхъ прутьевъ, куда рыба попадаетъ, не ранивъ себя): и се стерлядь тоже «любить»... Слѣдовало бы и волжскую, камскую и другую стерлядь пріучить къ этой снасти.

Всего болѣе хлопота о поимкѣ дорожной стерляди, рыбаки не знаютъ настоящей стоимости ея и сбывають ёё скунщикамъ за пустяки. Въ Василѣ одинъ скунщикъ какъ-то заплатилъ рыбаку 17 рублей за 4 «мѣрныхъ» стерляди, отъ 8 до 12 вершковъ, а самъ продалъ ихъ богатому пароходчику за 50 рублей. Въ столицахъ и большихъ городахъ дали бы за этихъ стерлядей много дороже.

До чего дошло оскудѣніе рыбы на Волгѣ, достаточно привести хоть бы такой фактъ, что въ томъ же Василѣ зимою стала появляться мороженая рыба изъ... Казанлыка!.. На Волгу везутъ рыбу изъ Средней Азіи...

Отнюдь уже не оскудѣніемъ, а простымъ неумѣніемъ вести садовое хозяйство объясняется тотъ цѣлѣный фактъ, что въ Василѣ—одномъ изъ яблочныхъ центровъ на Волгѣ—зимою пельзя достать своихъ яблокъ, по крымскіе бываютъ благодаря предпріимчивости мѣстныхъ татаръ, запасающихся этими яблоками, лимонами, апельсинами въ Нижнемъ и Казани. И васильчане, не умѣющіе сберегать на зиму свои дешевые яблоки, тратятся на дорогія крымскія...

Вообще, садовое хозяйство въ этомъ и другихъ яблочныхъ центрахъ на Волгѣ ведется въ высшей степени халатно, кое-какъ, какъ и все на Руси. «Пошлеть Господь яблочка»—эти горе-садоводы торжествуютъ, и то не надолго, такъ какъ обильный урожай низводить цѣни до убыточныхъ. «Не даль Господь яблочка»—и они вѣшаютъ носы, такъ какъ не знаютъ приемовъ заправскихъ садоводовъ, у которыхъ бываютъ ежегодные урожаи фруктовъ. На Волгѣ считается нормальнымъ, что истощенные чрезмѣрнымъ урожаемъ деревья «отдыхаютъ» по 3—4 года, почти ничего не давая за это время.

Въ урожайные годы налетаетъ въ яблочные центры саранча—съемщики садовъ, которые и снимаютъ сливи съ урожая. Прошлое лѣто и въ Василѣ хозяинъ небольшого сада получилъ всего 18 рублей, а съемщикъ выручилъ 160 рублей. Одна васильчанка сдала свой садъ за 95 рублей и получила 25 рублей задатка. Но когда съемщикъ одного ранняго «налива» собралъ 40 пудовъ и продалъ по 1 рублю пудъ, а болѣе позднихъ сортовъ разсчитывалъ собрать до 500 пудовъ, хозяйка вернула ему задатокъ и подарила наливъ, лишь бы онъ отказался отъ аренды, на что онъ и согласился...

Уходъ за садами самый примитивный: валять подъ деревья павозъ зря, въ неимовѣрномъ количествѣ, плодя червей, мошекъ и всякаго «тиуса», губящаго деревья,—и тѣмъ дѣло кончается,

а дальшій уходъ предоставляетъ Господу Богу... Споконъ вѣка разводятся одни и тѣ же сорта—анисъ, боровинка, маль, паливъ и другіе, а болѣе высокихъ сортовъ не знаютъ. На Волгѣ, ниже Казани лежитъ с. Антоновское—родина извѣстныхъ «антоновскихъ» яблокъ, нашедшихъ теперь сбыть даже за границей, какъ одинъ изъ лучшихъ зимнихъ сортовъ. А его не знаютъ на Волгѣ даже въ близкомъ разстояніи отъ его родины... Въ нижегородскомъ Поволжѣ могли бы разводиться иѣкоторые сорта груши и сливы, но никто почти объ этомъ не помышляетъ. Не знаютъ здѣсь ни заготовки фруктовъ вирокъ на зиму, ни сушки ихъ въ большихъ размѣрахъ (для домашняго употребленія практикуется), ни выдѣлки сидра (не считая скромныхъ попытокъ въ Казани и Самарѣ) и пр. и пр.

Всему этому и многому другому могъ бы научиться обыватель, но самъ онъ еще не додумался до того, какъ не додумались земства, города и подходящія министерства до необходимости завести въ садовыхъ центрахъ «садовыхъ инструкторовъ», «образцовые сады» и т. д.

Впрочемъ, весьма позволительно усомниться: будетъ ли отъ того какой толкъ?.. Мало ли на Руси разсѣяно образцовыхъ сельскихъ хозяйствъ, а подвинули ли они хоть на шагъ хозяйство русскаго мужика? Нисколько, если не считать очень-очень рѣдкія исключенія...

Положимъ, въ «барина» мужикъ не вѣрить и, быть можетъ, именно потому не хочетъ учиться у него добру... Но въ послѣднее время начали изрѣдка появляться довольно культурыя хозяйства у болѣе или менѣе интеллигентныхъ крестьянъ, однако и за ними мужикъ не идетъ...

Кассиръ парохода «Кубина» (дѣлаетъ рейсы между Вологдой и озеромъ Кубинскимъ), крестьянинъ Вологодской губерніи, съ грустью разсказывалъ, что его земляки обращаютъ поль вниманія на его образцовое маленькое хозяйство, которое онъ ведетъ совмѣстно съ своимъ братомъ, волостнымъ старшиною, набѣзжая и самъ туда временами. У него заведены улучшенные плуги, сѣялки, молотилки и прочее, образцовая сѣмена и т. д., благодаря чему урожай у него всегда хороши, а у мужика вѣчные недороды. Все это они отлично видятъ и—ни шагу съ мѣста... Даромъ предлагаешь онъ имъ пользоваться молотилкою и другими орудіями—и никто не береть...

Мужики остаются при своей извѣчной трехпольной системѣ, окончательно истощающей землю, со слабымъ скотомъ, мало дающимъ навоза, при допотопныхъ орудіяхъ и т. д. Крестьянинъ Юрьевецкаго уѣзда (Костромской губерніи) разсказывалъ:

— Сельское хозяйство у насъ споконъ вѣка ведется по черемухѣ...

— Какъ такъ?!

— Очень просто: мы глядимъ, какъ черемуха завязывается, распускается, зацвѣтаетъ и прочее. А по этимъ примѣтамъ начинаямъ пахать, сѣять и прочее.

— И не обманываетъ васъ черемуха?..

— Ну, какъ вамъ сказать?.. не безъ того, что коли она и обманеть... а больше правду кажеть... Божья воля!..

Голь на выдумки хитра... Крестьяне с. Юрина, Васильского уѣзда, бывшіе крѣпостные гг. Шереметевыхъ (не графовъ), почему-то не получили никакихъ земельныхъ падѣловъ, кромѣ усадебныхъ (кажется, они бывшіе дворовые), и занимаются больше производствомъ рукавицъ и работой на кожевенныхъ заводахъ. Луговъ у нихъ нѣть, а коровъ держать охота. Чѣмъ ихъ кормить—юринцы ухитрились: стали пріучать телятъ єсть коры, то есть размельченную кору тальника, выбрасываемую на кожевенныхъ заводахъ послѣ дубленія кожъ. Этотъ отбросъ ничего не стоитъ, а смѣшанный съ мукою, пудъ на пудъ, является очень питательнымъ и нисколько, говорятъ, не вреднымъ кормомъ для молочнаго скота (лошади упорно отказываются). Пріучаясь къ корью съ телячьяго возраста, коровы охотно єдятъ его, и ихъ удойность и густота молока увеличиваются, а переведенные въ другія мѣста юринскія коровы скучаютъ по корью и начинаютъ давать меньше молока и жиже. Но именно пріучать ихъ надо съ телятъ, а чужія коровы, приведенные въ Юрино, отъ корью отказываются.

Кочевые наклонности русскаго мужика особенно рѣдко скрываются въ его отношеніяхъ къ мѣсту: только кочевникъ способенъ такъ варварски истреблять лѣса, какъ истребляютъ ихъ русское населеніе. Въ этомъ грѣхѣ повинны уже не одни мужики, но и крупные лѣсовладѣльцы и лѣсопромышленники. Однако мужики всѣхъ перешеголяли и теперь «крестьянскіе лѣса»—большая рѣдкость въ русской деревнѣ.

Припоминаю, съ какою понятною гордостью разсказывалъ о своемъ лѣсѣ крестьянинъ с. Тимошкина (Спасскаго уѣзда Рязанской губерніи), лежащаго подлѣ станціи Шилово (Казанской желѣзной дороги) и пристани тою же имени на Окѣ. Можетъ быть, тимошкинцы потому оказались болѣе культурными людьми, что они были освобождены своей помѣщицей г-жой Луниной отъ крѣпостной зависимости раньше 1861 г. Отпуская на волю, она дала имъ достаточно земли и болѣе 50 десятинъ лѣса, который крестьяне сберегли доселѣ, рубя его въ самыхъ крайнихъ случаихъ—на нужды погорѣльцевъ и т. п. Дровами же и лѣсомъ для мелкихъ подѣлокъ пользуются изъ мелколѣсъя, подаренного имъ помимо того строеваго лѣса. Крестьянинъ закончилъ разсказъ такъ:

— Два раза въ году мы всѣмъ міромъ поминаемъ свою добрую барыню... А свой лѣсѣ всегда будемъ беречь и не станемъ зря сво-

дить, какъ воть сводять послѣднія около Шилова рощи сосѣдніе помѣщики...

Это рѣдкій, исключительный случай, совсѣмъ не похожій на обычныя отношенія къ лѣсу русскихъ «кочевниковъ», никакъ не заботящихся о своемъ будущемъ. Рассказывали такой случай: въ извѣстномъ кожевенномъ центрѣ—с. Богородскомъ (Горбатовскаго уѣзда Нижегородской губерніи), при усадьбѣ владѣльца гр. Шереметева былъ роскошный паркъ около 100 десятинъ, съ рѣдкими породами вѣковыхъ деревьевъ, съ прудами и прочимъ. Владѣлецъ предлагалъ паркъ богатому миру села Богородскаго за дешевую плату—за 20 тысячъ р. Но мужики отказались покупать. Графъ разгневался, продалъ паркъ на срубъ, а землю подъ усадебныя постройки растущаго села. Теперь мужики плачутся, что «въ Богородскомъ совсѣмъ нѣть зелени, воздухъ тяжелый отъ кожевенного производства, и некуда выйти подышать свѣжимъ воздухомъ»...

Въ виду исчезновенія крестьянскихъ лѣсовъ крестьянамъ дана льгота покупать лѣсъ на срубъ въ казенныхъ лѣсахъ безъ внесенія залога и прочее. Крестьяне пользуются этой льготой, но въ то же время любой лѣсопромышленникъ,名义ально носящій званіе «крестьянина», можетъ за ведро водки міру получить отъ него свидѣтельство на льготную покупку лѣса у казны... Это злоупотребление особенно практикуется на сѣверѣ Россіи, въ неизѣримыхъ казенныхъ лѣсахъ, где сводятся громадныя площиади лѣсовъ на основаніи «льготныхъ» крестьянскихъ свидѣтельствъ...

Одинъ русскій крестьянинъ Казанской губерніи рассказывалъ, какъ ихъ сосѣди черемисы, въ противоположность русскимъ, берегутъ свои лѣса и только совсѣмъ снѣлымъ деревомъ пользуются для своихъ нуждъ и на продажу, по «на сводку» его не продаютъ, а сами раздѣлываютъ и вывозятъ подѣлки въ Казань и на сельскіе базары. Спрашивала разсказчика:

— Почему русскіе не берегутъ такъ своихъ лѣсовъ?..

— Очень ужъ мы жадны и завистливы... Намъ подавай разомъ все, изъ чего можно зашибить деньги... хотимъ сразу разбогатѣть... Да къ тому же и страсть какъ лѣнивы мы: легче вѣдь продать лѣсъ на сводку, чѣмъ самимъ вождаться съ раздѣлкой его... Намъ все подавай сегодня, а что будетъ завтра, да какъ будутъ жить наши дѣти—намъ и горюшка мало...

Буквально вѣрная обрисовка русского мужика, данная русскимъ же крестьяниномъ... Особенно онъ правъ относительно россійской лѣни. Можно привести массу образчиковъ ея, но ограничимся немногими.

Въ «Неразберихѣ» я говорилъ о волжскихъ «балчужникахъ», занимающихся перевозкой на лодкахъ, нагрузкою на малыхъ пристаняхъ (на большихъ есть особья артели «грузчиковъ») и т. п.

мелкой работой, приносящей имъ гроши. Это прирожденные лѣнти, сродные итальянскимъ лаццарони и т. п., проводящіе время больше въ созерцаніи сутолки на пристаняхъ и на набережныхъ да въ засѣданіяхъ въ чайныхъ, портерныхъ и около монополекъ, чѣмъ въ дѣйствительной работѣ. Семыи кормятъ не они, а ихъ энергичныи жены—торговки, булочницы и т. д.

Зимою балчужникамъ приходится совсѣмъ класть зубы на полку, и они бросаются на всякую работу. Но какъ они «работаютъ»!.. Балчужники гор. Василя занимаются зимою пилкою дровъ въ лѣсу около дер. Шипилей, въ 10 верстахъ отъ города. Отправляются они на работу въ понедѣльникъ и начинаютъ пилку со вторника. Въ пятницу уже пошабашатъ и въ субботу отправляются въ городъ, гдѣ остаются до понедѣльника. Эти визиты въ городъ всею артелью они объясняютъ необходимостью запастись провизіей, помыться въ банѣ и т. п. Однако помыться они могутъ и въ Шипиляхъ, а за провизіей послать 2 человѣкъ, а не итти цѣлой артелью, или же провизію могли бы доставлять подростки, болтающіеся здѣ дома... Въ городъ тянетъ пильщиковъ ихъ лѣни и стремленіе «отдохнуть» послѣ 4 дней работы, да еще короткихъ зимнихъ дней... За эти 4 дня они приносятъ домой но 3 рубля чистаго заработка, не считая расходовъ на провизію, наемъ квартиръ въ Шипиляхъ и т. п. А не «отдыхай» они въ недѣлю три дня, могли бы заработать вдвое больше. «Поработавши» такъ 2—3 мѣсяца, балчужники совсѣмъ почутъ отъ дѣлъ своихъ и терпѣливо ждутъ нескораго воскресенія Волги...

А вотъ чуваши Козьмодемьянскаго Заволжья зимою работаютъ въ лѣсахъ по р. Руткѣ и др. 6 дней въ недѣлю, а домой приходить только на воскресенья, чтобы помыться въ банѣ. Ради работы они смѣло нарушаютъ дѣдовскіе обычай, установившіе для бани субботніе дни и считающіе грѣхомъ топку бани въ праздники...

Только россійскою лѣнью можно объяснить то обстоятельство, что во многихъ лѣсныхъ мѣстностяхъ не зародилось (какъ въ другихъ такихъ же никакихъ кустарныхъ производствъ изъ лѣса. Напримеръ, въ Вологодской губерніи по р. Кубинѣ (впадаетъ въ озеро Кубинское), Сухонѣ и др. сплавляется масса лѣса, но еще больше, говорять, его пропадаетъ въ такихъ углахъ губерніи, гдѣ нѣть сплавныхъ рѣкъ и лѣсъ некуда везти. То же происходитъ въ лѣсныхъ уѣздахъ Новгородской губерніи (въ Кирилловскомъ, Устюженскомъ и др.); гдѣ нѣть сплавныхъ рѣкъ и рѣчекъ—тамъ лѣсъ пропадаетъ на мѣстѣ въ неимовѣрномъ количествѣ. Именно тутъ могли бы развиться кустарные подѣлки изъ дарового лѣса, а ихъ нѣть и въ поминѣ. И кореннное, древне-русское населеніе этихъ мѣстъ предпочитаетъ жить впроголодь, еле-еле кормясь отъ истощенной земли и кое-какихъ отхожихъ промысловъ...

Поневолѣ мысль обращается къ инородцамъ—къ ихъ энергіи и работоспособности... Живя среди лѣсовъ, черемисы и чувashi Козь-

модемьянскаго и другихъ уѣздовъ Казанской губерніи развили у себя многія кустарныя подѣлки изъ лѣса, напримѣръ, у нихъ есть мастера «драничники», кроющіе крыши «дранью», для вырубъзки которой имѣютъ особые инструменты—«струги». За работу берутъ дешево: по 80 коп. въ день за нарѣзку драны, а за покрытие готовою дранью по 30 коп. за квадратную сажень крыши.

Осеню двое драничниковъ изъ дер. Цыгановой, Козьмодемьянскаго уѣзда, явились за 50 верстъ въ Василь, въ теченіе трехъ дней заработали всего около 5 р.—и ушли предовольные домой... А русскаго развѣ цоманишь такой работой?! Онъ посмѣется надъ нею, хотя бы и голодалъ...

Особенно развито среди черемисовъ и чувашъ кустарное производство мебели—плетеныхъ изъ черемховыхъ вѣтокъ (съ дубовыми сидѣньями) стульевъ и кресель. На р. Сурѣ мастера не снимаютъ кожуры съ вѣтокъ—и получается оригинальная мебель сѣраго, стального цвѣта, которую охотно выписываютъ въ Петербургъ.

По рисунку эта мебель не казиста и работа довольно топорная, а главный недостатокъ—употребленіе простыхъ гвоздей, совсѣмъ не мебельныхъ (безъ шляпокъ), дерущихъ платье. Но это уже вина земствъ и разныхъ вѣдомствъ, якобы некущихся о кустаряхъ, но не могущихъ оказать имъ гроповое содѣйствіе присылкою рисунковъ мебели, указаніемъ на существованіе мебельныхъ гвоздей и тому подобное.

Зато черемисская и чувашская мебель очень прочна и дешева: штука стоитъ отъ 15 до 25 копеекъ. Въ Рыбинскѣ, куда скапается эта мебель, дюжину продаютъ уже по 6 рублей.

Мѣстами и русскіе заразились примѣромъ инородцевъ—тоже занялись выдѣлкою мебели. Въ с. Марьинѣ на Ветлугѣ (Макарьевскаго уѣзда) русскіе гнутъ изъ пльмы хорошіе и дешевые стулья, мало уступающіе «вѣнскимъ» буковымъ. Тутъ заразительно подѣйствовалъ и примѣръ сосѣдняго Семеновскаго уѣзда, давно славящагося кустарными подѣлками изъ дерева. Но такихъ отрадныхъ примѣровъ очень мало...

IV.

Переходя къ духовной жизни мужика, и тутъ натыкаемся больше на грустныя явленія. Говоря такъ, разумѣю (какъ и въ предыдущей главѣ) рядовую массу мужика, а отнюдь не счастливаго и рѣдкія исключенія развитаго и культурнаго крестьянства.

Всегда вообще сѣрый и скучный тонъ жизни мужика въ настоящій «періодъ успокоенія» сдѣлался еще мрачнѣе, суровѣе. Полная апатія, безпредѣльное равнодушіе къ малѣйшимъ намекамъ на высшіе запросы жизни, бьющее въ глаза духовное оскудѣніе народа—вотъ преобладающій тонъ современной провинциальной

жизни вообще, и жизни мужика въ особенности. Чѣмъ-то затхлымъ, душнымъ, тошнотворнымъ вѣть отъ всѣхъ проявленій его «духовной» жизни. Вотъ ужъ гдѣ слѣдуетъ сказать, что это «не жизнь, а декорація» и—самая жалкая, тоскливая.

Слѣдуетъ оговориться, что такое паденіе духовной жизни народа наблюдается въ послѣднее время не только среди давно уже ослабѣвшаго русского мужика, но и между крѣпкими раньше ино-родцами. Одинъ прекрасный знатокъ жизни черемисовъ, русскій народный учитель, нѣсколько лѣтъ работающій въ черемисскомъ селѣ Козьмодемьянскаго у. Казанской губ., свободно говорящій по-черемисски и потому основательно изучившій не одну обстановку, но и душу черемисовъ, съ грустью говорилъ о нихъ:

— Старики еще сохранили свои прекрасныя качества: честность, порядочность, изумительное трудолюбіе, необыкновенную аккуратность, вѣрность долгу и обязанностямъ. Слову старика - черемиса можно вѣрить безусловно и лучше всякихъ письменныхъ обязательствъ. Но молодежь въ конецъ испорчена: у нея ничего святого нѣтъ... Она способна на всякую гадость, подлость, низость, и все это ради цѣлей наживы и т. п. самыхъ низменныхъ побужденій. Надѣя трудолюбіемъ стариковъ молодые черемисы издѣваются и всю тяжесть работъ кладутъ на нихъ и на женщинъ, а сами лодырничаютъ, пьянствуютъ и хулиганничаютъ не хуже русской молодежи...

Что въ провинції ряды хулигановъ пополняются почти исключительно молодежью русскихъ городовъ, сель, деревень — это несомнѣнно. «Періодъ успокоенія» нисколько не мѣшаетъ росту хулиганства, даже напротивъ... Случай хулиганства такъ мозолить глаза въ газетахъ, что незачѣмъ распространяться о нихъ. Остановлюсь немного на одномъ довольно типичномъ фактѣ, случившемся на Волгѣ.

Двое молодыхъ балчужниковъ Василя, лѣтъ 15—16-ти, захвативъ самодѣльное ружышко, сработанное кое-какъ третьимъ паренькомъ, отправились въ лодкѣ «испробовать» свое «ружье», зарядивши его какъ слѣдуетъ крупою дробью. Мимо шель вверхъ по Волгѣ пароходъ, ведя на буксирѣ баржу. Мальчишки, какъ нерѣдко водится, захотѣли воспользоваться даровой буксировкой и зачалили свою лодку къ лодкѣ, причаленной у кормы баржи. Рулевые матросы стали гнать ихъ, справедливо опасаясь, что при поворотахъ руля баржи лодка съ ребятами можетъ опрокинуться или налиться водою. Ребята не слушались, матросы стали чѣмъ-то бросать въ нихъ. Балчужникъ постарше схватилъ свое ружье и выпалилъ въ матросовъ: оба они упали, раненые дробью въ лицо, шею и проч. (къ счастью, глаза не пострадали). На баржѣ поднялась тревога, пароходъ остановился. Балчужники поспѣшили отчалить и бросились на своей лодкѣ къ берегу. Младшій, Панька,

бѣжалъ въ лѣсъ, а старшій, Николка, пустился на лодкѣ къ городу, надѣясь удрать отъ преслѣдовавшей его лодки съ каравана. Но въ городѣ матросы съ баржи догнали его, и парень былъ арестованъ, а на другой день арестовали и явившагося товарища его. Скоро ихъ отдали роднымъ на поруки, но потомъ, по приказу губернатора, парни отсидѣли полтора мѣсяца при полиції, потерявши лучшее время балчужного заработка.

Любопытно, что, когда матросы съ баржи привели Николку въ полицію и попросили составить протоколъ, полицейскій надзиратель предложилъ двумъ раненымъ матросамъ—«простить эту дѣтскую шалость»... Хорошь этотъ охранитель закона, не иостѣ-
снявшійся защищать эту «дѣтскую шалость» въ виду двухъ окрова-
вленныхъ физіономій пострадавшихъ матросовъ!.. Послѣднє разумно
отвѣтили представителю власти, поощряющему хулиганство:

— За такое разбойное дѣло прощать нельзя... Надо парней
поучить... будуть умнѣе!..

Оттого и прогрессируетъ у насть такъ хулиганство, что не встрѣ-
чаетъ почти никакого отпора со стороны обывателей, остающихся
равнодушными зрителями тамъ, где слѣдуетъ негодовать и проте-
стовать. Не забуду, съ какимъ нескрываемымъ изумлениемъ отне-
слись ко мнѣ два деревенскихъ кулака, когда я остановилъ ихъ
«матерщинство», коимъ они любовно пересыпали свою мирную
бесѣду въ столовой рубкѣ II класса парохода «Касимовъ» на Окѣ.
Одинъ изъ нихъ говорить:

— Да вѣдь мы не въсъ ругаемъ...

— Еще бы вы стали меня ругать!... Въ общественномъ мѣстѣ
нельзя ругаться, да еще такъ отвратительно, мерзко...

— Да мы и не ругаемся промежъ себя... а такъ... привычка
такая...

— Скверная привычка!... и мнѣ тошно слушать васъ, а вѣдь
тутъ бываютъ и женщины, и дѣти...

— Извѣстно, хуже этихъ словъ нѣть... да ужь такъ мы привыкли.

— Надо оставить, а то вѣдь знаете, что за эту «привычку» васъ
можно къ суду притянуть и «въ каталажку» засадить...

— Зачѣмъ же-сь! мы болѣе не будемъ тутъ матершинничать...

— И пигдѣ не слѣдуетъ...

— Оно бы хорошо, да трудненько отстать... и никто насть не
учить: ни тебѣ попѣ, ни начальство, ни старики... всѣ либо молчатъ,
либо и сами ругаются...

Да, «всѣ молчатъ», всѣ придерживаются политики—«моя хата
съ краю», а зло растетъ безъ конца, и вълучшемъ случаѣ обыватели
отводятъ душу смѣшкомъ и шуткой... Какъ потѣшились мѣщане
(въ большинствѣ тѣ же мужики по натурѣ) Василя, наблюдавшаго
диковинную сцену, надѣ которой впору было бы плакать...

По набережной плелась пьяная парочка, выискивавшая вензеля: дѣть 60 лѣтъ и виучекъ пяти лѣтъ... Сзади шла бабушка, ищуща подгонявшая хворостиной супруга, подпоявшаго ребенка...

А публика такъ весело хохотала, глядя на бѣднаго ребенка, съ трудомъ переплетавшаго ножонками и судорожно хватавшагося за руку пьяного дѣда...

Не меньшій смѣхъ вызывала у васильчанъ и другая дикая сцена: на главной улицѣ пожилой мѣщанинъ подгоняя здоровой дубиной свою молодую жену... Она старалась увернуться отъ его ударовъ, извивалась, бросалась въ стороны, а онъ догоняя ее и подгоняя дубинкой, какъ заблудившуюся скотину... Такъ именно онъ и смотрѣлъ на нее, объясняя любовавшейся сцену публикѣ:

— Гоню свою суху домой... Цѣлую недѣлю пропадала... сейчасъ нашелъ ее между телѣгами, на пристаняхъ... А дома и дѣти безъ призора, и скотина безъ корму...

Публика сочувствовала мужу, ибо и сама смотрѣть на жену, какъ на «собственность» мужа... И никто не вступился за несчастную «скотину», вся «вина» которой состоять въ томъ, что молодая женщина не можетъ любить стараго мужчину...

Но что говорить о ненормальныхъ отношеніяхъ мужика къ «женскому вопросу», когда даже самое простое, свойственное и животнымъ чувство чадолюбія начинаетъ изсякать въ народѣ... Бхалъ я на «купеческомъ» (Купеческаго общества) пароходѣ «Волгарь», который изъ Симбирска завернуль къ его пригороду Часовия (на лѣвомъ берегу), сдавая грузы на пристань начинающейся оттуда Волго-Бугульминской желѣзной дороги. Тутъ сѣла па пароходѣ молодая, чисто одѣтая крестьянка или мѣщанка съ двумя дѣвочками. Младшая, лѣтъ трехъ, держала въ ручонкахъ громадный свѣжій огурецъ и жадно пожирала его, безъ хлѣба и соли, да еще раннимъ утромъ, патошакъ. Я замѣтилъ матери, что въ холерное время опасно давать дѣтямъ такой «завтракъ».. А молодая мать просто отвѣтила:

— И батюшка!.. да памъ ихъ не жаль: у насъ шестеро дѣтокъ... Коли и прибереть кого Господь—Божья воля!.. А памъ не жаль...

Вообще «жестокіе нравы» принимаютъ еще болѣе ожесточенный характеръ. Даже отъ самыхъ мягкихъ, добродушныхъ людей приходится выслушивать удивительно жестокія рѣчи. Необыкновенно добрый васильчанинъ-балчужникъ, иногда наивный до степени ребенка, говорилъ какъ-то негодуя и волнуясь:

— Зачѣмъ это тратятся на преступниковъ? Зачѣмъ держать ихъ въ острогахъ, кормить, одѣвать?.. Сажать бы ихъ голыхъ въ лѣсу часа на 2—3 и больше, смотря по вицѣ: пусть пробуютъ ихъ комары... Ежели выживеть—его счастье, а иѣтъ—туда ему и дорога...

Мягкій человѣкъ, ничтоже сумняся, предлагалъ жестокую кару, почти всегда несущую смертельный исходъ... Извѣстны такие случаи: «добрые мужички» посадили неудобнаго имъ, т. е. честнаго, лѣс-

ника въ лѣсу на 3 часа, раздѣвши его догола и привязавши къ дереву. Комары такъ искусили его, что онъ въ страшныхъ мученіяхъ умеръ на мѣстѣ... Подобный же исходъ былъ съ бабою, которую однѣхъ лѣспичекъ привязали на ночь къ дереву, поймавши ее въ заповѣдномъ лѣсу за сборомъ грибовъ и ягодъ...

На одной пристани ниже Рыбинска сѣлъ на «волжскій» пароходъ «Цвѣрянка» карликъ изъ крестьянъ, уже пожилой, довольно забыто мѣшавшій полумонашеское настроеніе, выдававшее бывалаго богохольца, съ неудержимымъ стремленіемъ къ благамъ мѣра сего. Онъ любилъ побѣсть, не дуракъ быть выпить, игриво шутить съ бабами и болтать безъ конца. При его крошечныхъ размѣрахъ и сморщеніи дѣтскомъ личинѣ весь его дурашливые жесты и рѣчи производили не забавное, а жалкое впечатлѣніе. Хотѣлось остановить его, отпестись къ нему, какъ къ ребенку, оградить отъ насыщекъ...

А простонародная публика III и IV классовъ взглянула на жалкаго карлика, какъ на пріятную забаву. Гомерическій хохотъ, безцеремонное гоготанье и улюканье, самыя нецензурныя шутки неслась вездѣ, гдѣ появлялся карликъ и начинать говорить. Видимо, его коробила наглая безцеремонность публики, и онъ старался быть серьезнымъ, довольно остроумно парируя ссыпавшейся со всѣхъ сторонъ трубыя шутки и самое открытое издѣвательство надъ его убожествомъ.

Появивши, что съ этой стороны не возьмешь умиаго человѣчка, публика уловила его слабую струнку—стала его спаивать. Карликъ хлопалъ рюмку за рюмкой, захмелѣть и, «потерявъ контрапунсъ», сталъ говорить и дѣлать глупости, вызывавшія самое неистовое веселье публики... Попытки кое-кого изъ порядочныхъ людей остановить это издѣвательство надъ убогимъ человѣкомъ не имѣли успѣха: толпа всецѣло завладѣла своей жертвой и не отпустила ее до конца, т. е. пока сионный ею карликъ не свалился въ пьяномъ снѣ... Однѣхъ пассажиры такъ резюмировали это подлое зрѣлище:

— Ничего святаго нѣть у русскаго человѣка!.. Онь способенъ убѣгнуть во все превратить въ потѣху... Какъ варваръ, онъ не чувствуетъ различія добра отъ зла...

Ничего удивительнаго въ этомъ нѣть, разъ на ряду съ прекрасными народными издѣяніями солидныхъ фирмъ русскій пародъ продолжаетъ интантіе всякою старою трухой и дребеденью московскихъ издателей «съ Школьской улицы». Въ XX вѣкѣ, именно въ 1910 году, въ большомъ приволжскомъ городѣ Бинешѣ можно было купить у маленькой продавщицы на пристаняхъ неувядаемую «Сказку о храбромъ и сильномъ богатырѣ Бовѣ-Королевичѣ», изданную въ 1910 же году въ Москвѣ, въ собственной типографіи «Книгоиздательства торговаго дома Евдокія Коноваловъ и К?»...

Если сей г. Евдокій Коноваловъ принадлежитъ къ отпрыскамъ кипишемской фамиліи миллионеровъ Коноваловыхъ, то горе рус-

скому народу!.. Милліоны, собранные его руками для утѣхи г.г. Коноваловыхъ, уйдутъ частію на отраву народа «произведеніями» въ родѣ «Бовы-Королевича» и т. п. Кинешемская книжница предлагала и другія изданія этой новой фирмы: это были раздирательные мелодрамы, уголовная «литература», сборники стиховъ «подворотной» поэзіи, кисло-сладкіе рассказы о вредѣ пьянства и т. п. перлы. Такъ какъ большинство изданій въ форматѣ «листовокъ», очень дешевыхъ, то эта дребедень широко расходится въ народѣ. Недаромъ фирма имѣеть въ Москвѣ три лавки, да по одной въ Петербургѣ, Одессѣ и на Нижегородской ярмаркѣ. Какой позоръ для Россіи XX вѣка!

Въ Нижнемъ, на окской пристани Качкова я попробовалъ постыдить газетчика, продававшаго деревенскому парню какія-то дрянныя «Похожденія московскаго душегуба», а газетчикъ отвѣтилъ:

— Это вѣдь не для васъ мы продаемъ... А для васъ вотъ имѣются Левъ Толстой и т. п.

Пришлося замолчать, ибо что же тутъ скажешь?! Вѣчнай рознь между «ими» и «нами» невольно оказывается во всемъ и повсюду...

Для насъ, напримѣръ, будетъ непонятно такое явленіе, совершенно нормальное въ «нихъ» средѣ: въ одномъ крупномъ фабричномъ центрѣ подъ Москвою чтенія и лекціи для народа раньше привлекали такія массы слушателей, что не хватало мѣсть и многимъ отказывали, а теперь поражаютъ пустотою аудиторій. Казалось бы, что съ развитіемъ народа, сдѣлавшимъ за послѣдніе годы большой шагъ впередъ, долженъ бы увеличиться интересъ къ серьезнymъ чтеніямъ, а выходить наоборотъ... Самый любимый фабричными московскими лекторы по экономическимъ вопросамъ, собиравшій прежде сотни слушателей, осеню 1910 г. едва привлекъ 60 человѣкъ... Зато па «футболѣ» въ тѣ же часы было иѣсколько тысячъ...

А на устроенныхъ мануфактурой танцевальныхъ вечерахъ иѣть отбою отъ охотниковъ поплясать и пришлося учредить очередь. На танцы собирается до 1000 рабочихъ, дамъ и кавалеровъ, и собиралось бы вдвое-втрое больше, если бы позволяло помѣщеніе. Иѣсколько сотъ паръ кружатся въ самыхъ моднѣйшихъ танцахъ, даже въ тарантелѣ и т. д. Всѣ чисто и прилично одѣты, а кавалеры даже франтовато.

Да, теперениe рабочіе не чета прежнимъ, и не только въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ, но вездѣ и даже въ деревнѣ. Какъ-то на волжскомъ пароходѣ пришлося слышать горькія іереміады какихъ-то промышленныхъ людей, еще молодыхъ, сѣвшихъ въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ. Одинъ плакался:

— То ли дѣло бывало прежде: за водку все можно было сдѣлать и купить въ деревнѣ... А нынѣ шалишь!... всѣ и за все требуютъ денегъ, а водку-де, говорять, мы и сами знаемъ, гдѣ добыть...

— А то еще повелось у нихъ.—замѣтилъ другой:— найдется къ тебѣ, а ежели прослышишь гдѣ про лучшую плату, удереть туда и поминай, какъ звали... и ничего съ ними не подѣлаешь!...

— Нѣть,—отозвался первый:—у насъ нашли средство и не больно хитрое: коли уйдеть съ работы лѣтомъ, получай въ мѣсяцъ 10 р., а останется на все лѣто—дають по 12 р. И отлично дѣйствуетъ: не бѣгаютъ...

На томъ же среднемъ плесѣ Волги пришлое какъ-то выслушать воипль другихъ «обездоленныхъ» людей—бывшихъ кабатчиковъ, не могущихъ забыть свой золотой вѣкъ и примириться съ монопольской... Пожилой мужикъ, съ благообразнымъ, чуть не иконописнымъ лицомъ, побесѣдовавши о разныхъ предметахъ, вдругъ обратился ко мнѣ съ своимъ наболѣвшимъ вопросомъ:

— Надо полагать, что чиновники не долго повожжаются съ водкой, и дѣло повернется на прежній порядокъ?

— Ну, этого не ждите... больно ужъ выгодно это дѣло: чиновники не выпустятъ его изъ своихъ рукъ...

— Вы полагаете?—уныло протянулъ бывшій кабатчикъ, плачущій о потерѣ «легкихъ хлѣбовъ».

Кто не мечтаетъ о даровщикѣ... На окскомъ пароходѣ «Касимовъ» возвращался изъ Нижняго пожилой мужикъ, якобы погорѣлецъ, который походя и на всѣ лады ругалъ извѣстнаго нижегородскаго миллионара Бугрова, давшаго миному погорѣльцу всего одну трешину, вместо ожидавшейся имъ «сотниги»... А мужикъ и «на дорогу исхарчился, и старосту угощалъ за погорѣлое свидѣтельство», и другіе расходы имѣлъ, далеко превосходящіе 3 р. И мужикъ скверно ругалъ «благодѣтеля», забывая, что мужики, промышляющіе минимымъ «погорѣльствомъ» (есть цѣлые деревни, живущія этимъ выгоднымъ отхожимъ промысломъ...), сами виноваты, что щедрый прежде Бугровъ сталъ осмотрительнѣе раздавать свои пособія...

Одинъ почтенный крестьянинъ Вязниковскаго уѣзда (Владимирской губерніи), не разъ и подолгу жившій на Уралѣ, рассказывалъ между прочимъ, что, когда администрація Тагильскихъ заводовъ Демидовыхъ сократила рабочимъ плату, «рабочие стали плакаться, что они привыкли-де къ пшеничной муки, а отъ ржаной муки подводить животы у нихъ... А и теперь живутъ тагильцы такъ хорошо, какъ никогда не жили наши владимирскіе фабричные»...

Вообще, мужикъ сталъ чувствительнѣе къ благамъ міра сего... Медицинскій персоналъ деревни наблюдалъ въ холеру 1910 г. не-бывалое раньше явленіе въ народѣ — боязнь холеры... Мужики обращались къ докторамъ со всякими пустяками по поводу желудочныхъ заболѣваній, охотно закупали предохранительныя средства, прибѣгали къ советамъ и т. п.

Требуя медицинской помощи, мужикъ, конечно, продолжалъ прибѣгать и къ «своимъ средствіямъ», существующимъ споконъ вѣковъ.

Такъ, на Ветлугѣ первого холерного (какъ и при другихъ эпидеміяхъ) покойника не выносятъ въ двери, какъ обыкновенно, а вытаскиваютъ черезъ окно. Несутъ его на кладбище не ногами впередъ, какъ всегда, а головою. Впереди гроба бѣгутъ сосѣди и топорами чертятъ кресты. Сзади шествуетъ баба съ метлою и заметаетъ по дорогѣ всѣ слѣды. Такъ идутъ по всей деревнѣ, а на обратномъ пути съ кладбища не оглядываются назадъ. Всѣ эти мѣры принимаются для того, чтобы холера ограничилась одной жертвой...

Для предупрежденія холерной эпидеміи многія ветлужскія деревни прибѣгали къ обычному «опахиванію» селеній...

Подобными суевѣріями полна жизнь русского мужика и въ XX вѣкѣ. Въ Василѣ «вѣрнымъ средствомъ противъ бѣшенства» считается очень немудрое: «надо сѣять 40 милостынь», т. е. укушенный бѣшенымъ животнымъ долженъ обойти 40 домовъ, вездѣ попросить милостыни въ видѣ хлѣба, соли, воды—и все это сѣять и выпить на мѣсть. Для богатыхъ людей средство упрощено: можно «нанять за себя старуху» и послать ее за 40 милостынями, которая она же и сѣять—«и помогать», какъ увѣряютъ васильчане... Они же рекомендуютъ для исцѣленія животнаго, которому угрожаетъ бѣшенство, тоже нехитрый пріемъ: отрѣзать у искусанного кончикъ собственнаго хвоста и заставить сѣять его—тоже «здраво помогать»...

Мужики с. Фокина, Васильскаго уѣзда, прибѣгаютъ въ случаяхъ эпизоотіи къ страшно жестокому средству: у воротъ двора «зарываютъ въ землю живого жеребенка!.. Къ удивленію, мѣстные власти еще ни разу не привлекли къ суду жестокихъ фокинцевъ за такое дикое варварство...

На ряду съ подобными варварскими и нелѣпыми «средствіями» по-прежнему царитъ въ народѣ наивная, но глубокая вѣра въ разныя «небесныя знаменія» и т. д., и это не только въ деревенскихъ захолустьяхъ, но и въ городахъ, на большихъ дорогахъ... Въ томъ же приволжскомъ городѣ Василѣ какъ-то въ концѣ декабря 1909 г., когда газеты вдругъ заболтали о возможности новой войны съ Японіей, васильчане тревожно рассказывали:

— Вчера былъ крестъ на небѣ... Ну, быть войнѣ!.. обижаетъ насъ японецъ...

Никакого креста и не было, а на закатѣ виднѣлся, перѣдкій въ морозные дни, огненный столбъ—лучъ заходящаго солнца... Нѣ-которые васильчане видѣли надъ сосѣднимъ с. Воротынцемъ уже не простой крестъ, но «столъ, а на немъ крестъ»!..

На появившуюся въ началѣ января 1910 г. «планиду» они глядѣли съ большой тревогой, ожидая отъ кометы всякихъ пакостей. Газетная тревога на эту тему производила на васильчанъ самое сумбурное впечатлѣніе...

Всякая «чертовщина» по-старому жива и въ ХХ вѣкѣ и пугаетъ не одного мужика, но и болѣе развитыхъ людей... Въ Василь «змѣй летаетъ» почему-то только къ «солдаткамъ», какъ къ беззащитнымъ безъ мужей женшинамъ, и въ результатѣ получается... неожиданное приращеніе семейства...

Правильному волжскому пароходству минуло уже болѣе 50 лѣтъ, а на Волгѣ встрѣчаются еще лица, не ъздящія на пароходахъ, такъ какъ считаютъ ихъ «чортовыми машинами»... Какъ-то на пристани въ Козьмодемьянскѣ пришлось услышать любопытную версію о происхожденіи пароходовъ. Пожилой старовѣръ рассказывалъ старику-черемису:

— Одинъ старики говорилъ мнѣ, что читалъ въ древней книгѣ: когда Христосъ ходилъ по водамъ, яко по суху, сатана объявили, что и онъ будетъ также ходить, но «особымъ манеромъ»... Знатно, на корабли и пароходы намекалъ...

— Извѣстно,—подтвердилъ черемисъ:—чортовы машины!.. А какъ бы эту древнюю книгу почитать?

— И я хотѣлъ ее достать, да пропала она...

— Да, если бы все дѣлать, какъ пишется въ божественныхъ книгахъ... Вотъ и на пароходахъ не годится ъздить...

Этотъ разговоръ любопытенъ еще въ томъ отношеніи, что говорить о старообрядческихъ тенденціяхъ среди инородцевъ, хотя официальпо неизвѣстны инородцы-старовѣры. Впрочемъ, вѣдь почти всѣ инородцы официальпо считаются «православными», несмотря на ихъ явную наклонность къ своему старому язычеству, самыя реальная переживанія котораго встрѣчаются у нихъ и доселѣ...

Отмѣчаю еще одинъ старообрядческій курьезъ, кажется, неизвѣстный въ литературѣ. Православный спрашиваетъ старовѣра:

— Почему у васъ чай называется «отчаянной травой»?

— А видишь ли: чаю сколько ни дуешь, а ничего тебѣ—каяться не будешь... ни тебѣ самому, ни ближнимъ твоимъ и никому вреда отъ чая не будетъ,—не въ чѣмъ и каяться-то! Какая жъ польза отъ него «для души»?!. А вотъ водки выпьешь, наговоришь и надѣлаешь глупостей,—ну, и покаешься... Разница, братъ, большая! Для души водка полезительнѣе чая...

Н. Н. Оглоблинъ.

(Окончаніе въ следующей книжкѣ).

НЕ ЖИЗНЬ, А ДЕКОРАЦІЯ.¹⁾

(Изъ провинціальныхъ настроеній).

V.

СЛИ въ народѣ жива попрежнему «вѣра въ черта», то какова же его вѣра въ Бога? — Общія наблюденія рѣшительно говорять о паденіи послѣдней. Религіозное настроеніе еще сильно между «отцами», но «дѣти» отходять отъ него все дальше и дальше... Разумѣется, уклоненія отъ этого общаго правила встрѣчаются и тамъ, и здѣсь, а потому нельзя сказать, какая сторона преобладаетъ въ количественномъ отношеніи. По нѣкоторымъ даннымъ можно, однако, заключить, что перевѣса нѣть ни на одной сторонѣ, о чёмъ говорить, напримѣрь, такой фактъ.

На одной подмосковной мануфактурѣ строится православная церковь на добровольные сборы съ рабочихъ и по ихъ инициативѣ. За нѣсколько лѣтъ собрано ими 12 тысячъ и сборъ, путемъ ежемѣсячныхъ отчислений изъ жалованья, въ добровольныхъ размѣрахъ, будетъ продолжаться до конца постройки. На мануфактурѣ 12 тысячъ рабочихъ, но въ сбороахъ участвуетъ только половина, а остальные — «антихристовы дѣти» (какъ называлъ ихъ старикъ, служащий на мануфактурѣ, членъ строительного комитета) — отказались отъ пожертвованій на новый храмъ.

¹⁾ Окончаніе. См. «Истор. Вѣсти.», т. СХХІІІ, стр. 141.

Вездѣ, повидимому, «антихристовыхъ дѣтей» нисколько не меньше, чѣмъ подлинныхъ христіанъ. Столичная публицистика, заговорившая въ послѣдніе годы о небываломъ подъемѣ религіозныхъ настроеній среди общества и народа, основывается на пріемѣрѣ столицъ и другихъ крупныхъ городовъ.

Въ провинції же ничего подобнаго не наблюдается: никакого нарочитаго «богоискательства», «богостроительства» и «боготворчества» здѣсь не видно ни среди интеллигенціи, ни въ народѣ. Мѣстами тутъ все осталось попрежнему, а мѣстами и ухудшилось значительно, въ смыслѣ паденія религіозныхъ настроеній.

Если среди мужика осталась прежняя вѣра, то это все та же наивная вѣра въ силу обряда и всякой церковной внѣшности. У чуваша Козьмодемьянскаго уѣзда большими піэтетомъ пользовались два «явленныхъ Николы» (иконы) — «старый» и «молодой», но о первомъ чуваша говорятъ:

— Стара стала — не работать!... айда къ молодому Николѣ: онъ здорово шагать — больно ладно помогать!..

Икона Смоленской Божіей Матери изъ Козьмодемьянскаго собора цѣлый мѣсяцъ носится по своему и сосѣднимъ уѣздамъ, и вездѣ принимается усердно, несмотря на очень странную обстановку этого шествія. Икону сопровождаетъ не духовенство, а какой-то мужиченко, чуть ли не берущій икону у собора... въ аренду... Онъ дѣлаетъ большиіе сборы и безконтрольно ими распоряжается. Въ пользу собора идутъ, кажется, только тѣ деньги, которыя попадаютъ въ кружку, устроенную въ самой иконѣ (внизу рамы). Идетъ икона, колышется отъ движений несущихъ и позвякиваетъ деньгами... И никого изъ «вѣрюющихъ» не коробить такое кощунство, какъ никого изъ властей не беспокоить это безконтрольное обираніе мужиковъ во имя религіознаго чувства...

Нѣсколько лѣтъ назадъ въ одномъ селѣ Сергачскаго уѣзда (Нижегородской губернії) попъ объявилъ, что «въ колодезѣ явилась икона» святого Николая (и еще двухъ святыхъ), которую-де «могутъ видѣть только «праведники»: они «видѣли икону» не только въ колодезѣ, но и въ сосудахъ съ водою, взятою оттуда. Смиренные же «грѣшники» не удостоивались такой благодати... Два года блаженствовалъ остроумный попъ, принимая отъ богомольцевъ деньги, холсты и прочее за молебны и «святую воду» изъ колодезя. Но соѣднимъ попамъ стало невтерпѣнье — донесли епископу, по мановенію котораго «явленная икона» исчезла, а паходчивый попъ подвергнутъ епітеміи. Съ горя онъ запьянистновалъ и покончилъ самоубійствомъ...

Случись сейчасъ подобная исторія — она имѣла бы такой же успѣхъ. Въ значительной массѣ народа попрежнему жаждетъ чуда, вѣрить въ него и жадно хватается за малѣйшіе намеки на возможность чуда... Попрежнему же онъ тянется въ монастыри, хранящіе

народныхъ святыни, и ради этихъ святынь несетъ туда свои гроши. Отлично народъ видить безобразную въ большинствѣ жизнъ монашествующей братіи, негодуетъ на то, возмущается всякими непорядками монастырской жизни, но строго различаетъ чтимую имъ свою стародавнюю святыню отъ недостойныхъ охранителей ея. Послѣдніе все болѣе и болѣе отталкиваютъ отъ себя народъ, но святыня неудержимо влечетъ къ себѣ вѣрюющихъ, какъ было всегда.

Въ юнѣ 1910 г. извѣстный крестный ходъ съ иконою Смоленской Божіей Матери, приносимою въ Казань изъ Седміозерной пустыни, привлекъ громадную, давно небывалую массу богомольцевъ. Одно пароходство Савина пустило въ одинъ день четыре парохода, биткомъ набитыхъ богомольцами изъ окрестностей Казани, но и остальная пароходства не зѣвали и всѣ подвозили богомольцевъ въ невѣроятномъ количествѣ. То же многолюдство наблюдалось на юньскомъ крестномъ ходѣ въ Нижнемъ, съ Оранской иконою Божіей Матери (изъ Оранского монастыря) и т. д.

И гг. «эсдеки» государственной думы, вспившіе (въ февралѣ 1910 г.) противъ «черной саранчи» въ 66 тысячъ человѣкъ, сидящей на шеѣ русскаго народа, обнаружили и тутъ полное незнаніе того народа, интересы котораго они «желаютъ представлять»... Несомнѣнно, народъ имѣеть крайне невысокое мнѣніе о большинствѣ «черной саранчи», но къ лучшимъ представителямъ идеяного монашества относится съ большими піѣтетомъ, да и остальную негодную массу «черной саранчи» щадить, именно какъ охранителей народной святыни. Ради послѣдней онъ несетъ туда свои гроши и несетъ добровольно, никѣмъ не побуждаемый.

А попробуйте уничтожить монастыри!... можетъ быть, «антихристовы дѣти» будутъ рукоплескать этой мѣрѣ, но масса народа будетъ возмущена и не проститъ поруганія своей святыни. И вмѣсто закрытыхъ монастырей народъ станетъ заводить новые, скрывая ихъ въ недоступныхъ мѣстныхъ дебряхъ, какъ зародились когда-то старообрядческіе скиты и монастыри.

Надо и то помнить, что за монастырями доселѣ удержалось не одно религиозное, но и экономическое значеніе: они, особенно женскіе, продолжаютъ служить единственнымъ пріютомъ для всѣхъ «лишнихъ людей»— бездомныхъ, одинокихъ, не нашедшихъ счастья въ миру, потерпѣвшихъ всякаго рода крушенія въ житейскомъ морѣ. А главную массу этихъ «лишнихъ» даетъ именно народъ, который не скоро еще додумается до иной формы призора своихъ беспріютныхъ людей. И тѣмъ съ большими уваженіемъ народъ относится къ тѣмъ монастырямъ, которые представляютъ чисто трудовыя общины, гдѣ нѣтъ мѣста тунеядству и другимъ отрицательнымъ сторонамъ современаго монашества.

Глупо заблуждался тотъ фабричный рабочій (одной подмосковной мануфактуры), который недавно (послѣ революціи въ Порту-

галіп) крикнулъ на улицѣ священнику: «недолго вамъ бродить тутъ... скоро и вамъ будетъ португальскій конецъ!» Если онъ и будетъ когда въ Россіи, то еще весьма не скоро.

Такой «конецъ» еще болѣе отдалится, если наше духовенство, а особенно монашество, подтянется, поздоровѣтъ и вернется къ своимъ старымъ идеаламъ служенія народу, а не своей мамонѣ... При теперешнихъ же непорядкахъ и всѣхъ ненормальныхъ условіяхъ монастырской жизни, какъ и жизни бѣлага духовенства, вполнѣ естественно, что сами представители церкви являются чуть ли не главною причиной размноженія въ послѣднее время «антихристовыхъ дѣтей». Число послѣднихъ будетъ расти, если духовенство не опомнится и не выйдетъ на настоящую дорогу «пастырского» вождительства народомъ, а монастыри не перестанутъ заботиться единственно о накопленіи своихъ богатствъ.

По поводу послѣднихъ пришлось познакомиться съ своеобразнымъ взглядомъ «свободомыслящихъ людей изъ народа. Одинъ изъ нихъ говорилъ:

— По-моему, народъ хорошо дѣлаетъ, что несетъ свои спасенія въ монастыри: тутъ они будутъ *сохранять...* А придетъ пора и будетъ нужда, народъ *отберетъ* у монастырей свое достояніе и распорядится имъ по-своему!..

— Такъ-то оно такъ,—замѣтилъ собесѣдникъ:—но имѣйте въ виду, что раньше народа можетъ воспользоваться этимъ народнымъ достояніемъ и правительство... И такие примѣры бывали: еще Екатерина II отобрала монастырская имѣнія... Въ Кіево-Печерской лаврѣ, говорятъ, «хранится» записка Николая I о взятіи имъ у лавры 2 миллионовъ на нужды Крымской войны...

Да, монастыри должны помнить о возможности такихъ «добровольныхъ даяній» на государственные и народные нужды и вообще не натягивать струнъ безъ конца... Въ Козьмодемьянскомъ уѣздѣ недавно основался женскій Черемисскій монастырь, на средства преимущественно сосѣднихъ черемисовъ, которые раньше очень усердствовали къ своему монастырю, а теперь охладѣли, благодаря черезчуръ явнымъ тенденціямъ «сестеръ» къ мамонѣ... У ближайшаго черемисского общества есть лѣсь, часть которого ежегодно дѣлится по дворамъ. Монастырь «установилъ», чтобы при этой дѣлежкѣ ему шелъ «третій возъ» строевого лѣса, дровъ и валежнику. Этихъ «третыхъ возовъ» набиралось черезчуръ много... Нѣсколько лѣть «сестры» получали эту добровольную дань, а потомъ черемисы перестали давать лѣсь, несмотря на всѣ нахальныя требованія уже разбогатѣвшаго монастыря. Такъ волеволею и отворачиваются черемисы отъ своего же созданія...

Или возьмите пресловутыя «церковно-приходскія школы», отъ которыхъ народъ рѣшительно и вездѣ отворачивается, предпочитая имъ земскія, министерскія и всякия другія. Припоминаю курьез-

ный фактъ: на одной фабрикѣ подлѣ церкви стоитъ хорошій двухъэтажный каменный домъ, въ верхнемъ этажѣ котораго помѣщается церковно-приходская школа, а въ нижнемъ живутъ церковные сторожа. И вотъ послѣдніе не пускаютъ своихъ дѣтей въ свою же церковную школу, находящуюся тутъ же, рядомъ, а посылаютъ ихъ за версту —въ фабричную школу... Даже церковныхъ сторожей не удовлетворяетъ церковная школа!..

И не мудрено, если, напр., на Сѣверной Двинѣ пришлось встрѣтить церковныхъ учительницъ, получающихъ по 200 р. въ годъ!.. А вѣдь на такое жалованье врядъ ли можно нанять «среднюю кухарку» въ Архангельскѣ для епархиального наблюдателя школы...

Не будемъ касаться давно паболѣвшаго вопроса о грѣхахъ и грѣшкахъ нашего бѣлага духовенства, споконъ вѣка наиболѣе близкаго къ народу, который все болѣе и болѣе отворачивается отъ своихъ «пастырей»... Гораздо интереснѣе прослѣдить взгляды народа на высшихъ руководителей бѣлаго духовенства—нашихъ архіереевъ. На эту тему могу привести поразительную по своему безобразію сцену, очевидцемъ которой былъ нѣсколько лѣтъ назадъ. Эту сцену можно бы озаглавить такъ: «комическій выходъ» православнаго архіепископа... Не привожу имени этого архіерея, который своимъ появлениемъ среди публики произвелъ на нее не благоговѣйное, а чисто смѣхотворное впечатленіе: архіерей еще живъ и съ Волги переведенъ на югъ.

Въ маленькомъ приволжскомъ городкѣ, очень рѣдко носїщающимъ архіереемъ, ждали проѣзда архіепископа сосѣдей епархіи. Онъ долженъ былъ высадиться съ парохода и на лошадяхъ проѣхать въ два монастыря своей епархіи, лежащіе вблизи городка. Быть какой-то праздникъ въ маѣ, и почти все населеніе городка собралось на набережной и на улицахъ, гдѣ долженъ былъ проѣхать рѣдкій гость, на котораго всѣмъ было любопытно взглянуть.

На меркурьевской, какъ лучшей, пристани собралось начальство и мѣстное, и сосѣдняго уѣзда, куда направлялся архіерей. Сѣхалось и духовенство его епархіи, бѣлое и черное—игуменъ мужскаго и настоятельница женскаго монастыря. Игумена архіерей возводилъ въ сань архимандрита, а настоятельницу въ сань игумены. Послѣдняя была толстая, сырая женщина, но еще моложавая, румяная. Ее сопровождала мать-казначея, тоже не старая женщина.

Показался «волжскій» пароходъ, на которому вѣхалъ архіепископъ, и сталъ дѣлать оборотъ къ своей пристани. Собравшееся на меркурьевской пристани начальство и духовенство на рысяхъ бросились къ «волжской» пристани. Публика весело хохотала, любуясь, какъ бѣжали попы и монахи, поднявъ рѣсы... Пьяный мѣщанинъ ползалъ на четверенькахъ съ початымъ мерзавчикомъ въ рукахъ, блаженно ухмылялся и громко воскликнулъ по адресу бѣгущаго мимо начальства и духовенства:

— А намъ что?.. а мы вышьемъ!.. за здоровье архирея!.. ура!.. намъ наплевать!..

Пьяный глоталъ изъ мерзавчика и снова кричалъ, повторяя все то же. Его не успѣли убрать—не до того было, и онъ дождался архіерейского поѣзда во всемъ своемъ безобразіи...

Позже всѣхъ прибѣжали толстыя монахини, запыхавшіяся, раскраснѣвшіяся, когда архіепископъ уже шелъ съ парохода по сходнямъ. При небольшомъ ростѣ онъ поражалъ необычайной толщиною и объемистымъ брюхомъ. Въ безцеремонной публикѣ загалдѣли:

— Ишь ты, какой брюхатый!.. чистая баба на сносяхъ... гляди-ко! гляди-ко!.. вотъ такъ архирей!.. такого еще не видали...

День былъ прохладный, солнце скрылось въ облакахъ, а у архіепископа толстое бабье лицо было красное, какъ ракъ, и лоснилось, словно смазанное масломъ, маленькие глазки замаслились, съ губъ не сходила сладкая улыбка. Видимо, что архіерей основательно пообѣдалъ на пароходѣ и былъ «весель безконечно»... Небрежно и неувѣренно благословляя подходившихъ властей, онъ «изволилъ шутить» и самъ же во всю глотку хохоталъ надъ своими шутками, то банальными, то грубыми и неприличными... Подошедшей настоятельницѣ архіепископъ ляпнуль:

— Что запыхалась?.. ишь, какъ растолстѣла!.. толще меня стала... ха-ха-ха!..

Продолжая хохотать и безцеремонно отглядывать смущенную «матушку», архипастырь лукаво спросилъ:

— А кто же со мною єдетъ?.. ха-ха-ха!..

Очевидно, онъ не прочь былъ прокатиться вдвоемъ съ «матушкой», но опомнился и обратился къ игумену:

— Ну, хозяинъ, садись со мною!.. ха-ха-ха!..

Съ трудомъ впихнули хохочущаго брюхача въ игуменскій тарантасъ, запряженный отличной тройкой. Сухая, постная, вполнѣ пріличная фигурка и физіономія о. игумена еще ярче оттѣняла все неприличіе и неблагообразіе архіерейской персоны...

Архіерейскій поѣздъ тронулся, состоя изъ пятнадцати экипажей. Шествіе открывалъ конный городовой, за нимъ скакаль въ телѣжкѣ становой приставъ, далѣе мчалась тройка съ архіепископомъ и игуменомъ. А слѣдомъ за ними—самый «интересный номеръ»—двѣ дамы: мать-настоятельница и мать-казначея... Потомъ уже слѣдовали экипажи съ духовными и свѣтскими властями.

Поѣздъ напутствовалъ пьяными восклицаніями и соотвѣтствующими жестами съ мерзавчикомъ вышеупомянутый мѣщанинъ, продолжавшій ползать на четверенькахъ по набережной. Архіерей весело гоготалъ, глядя на «пасомаго» чужой епархіи...

Дальше пошло еще веселѣ. Не успѣть поѣздъ свернуть съ набережной въ гору, какъ изъ боковой улицы вылетѣли двѣ телѣги, биткомъ набитыя поѣзжанами мѣщанской свадьбы, и помчались впе-

реди архіерейского поїзда съ пѣснями, хохотомъ, гиканьемъ распьяной компаніи. Стоявшая на улицахъ толпа проводила свадьбу улюлюканьемъ и другими знаками сочувствія. Подъ эту музыку архіерейской поїздѣ сталъ вытягиваться въ гору, и какъ только народъ увидалъ, что слѣдомъ за архіереемъ єдуть «двѣ бабы», въ толпѣ пошло веселое шушуканье насчетъ «архіерейской свадьбы»...

Румянный архіепископъ весело выглядывалъ изъ тарантаса, благословляя и смѣющуюся толпу, єдко издѣвавшуюся по поводу «двухъ свадебъ», и попавшее навстрѣчу городское стадо, и домишкі, въ раскрытыхъ окнахъ которыхъ виднѣлись головы любопытствующихъ горожанъ, и распостертую у самой дороги, противъ городской думы, какую-то пьянную фигуру, лежавшую ничкомъ, со спущенными штанами...

Такъ прослѣдовалъ, къ удовольствію горожанъ, веселый архіепископъ... Переночевавши въ женскомъ (sic) монастырѣ, онъ перебѣгалъ въ мужской, и черезъ 5 дней снова проѣзжалъ тотъ же городокъ, но уже не въ такомъ парадѣ и безъ «матушекъ». Онъ догадались раньше пробраться на пристань. Провожая архіерея, новая игуменья бодро одна взошла на пароходъ, но тамъ такъ расплакалась при разставаньѣ, что съ парохода ее съ трудомъ сволокли подъ руки двѣ дюжія монахини... Народъ чуть не въ глаза смѣялся надъ нею и надъ «брюхатымъ» архіепископомъ...

Врядъ ли такія комическая выступленія православныхъ іерарховъ могутъ содѣйствовать подъему авторитета церкви... Впрочемъ, онъ такъ низко палъ, что веселымъ архіереямъ простительно на все махнуть рукою и не слишкомъ хлопотать о надлежащемъ впечатлѣніи на народъ... И народъ отворачивается отъ нихъ и отъ самой церкви, загроможденной всякими «декораціями», то бесполезными, то вредными.

VII.

Коснемся ли другихъ сферъ провинціальной жизни—вездѣ на tolknemся на «декораціи», за которыми совсѣмъ не видно настоящей жизни. Сонная, вялая, апатичная интеллигенція, оживляющаяся только за картами, водкой и т. п. «благами міра сего», преслѣдующая однѣ личныя цѣли карьеры и наживы, неспособная къ серьезному общественному дѣлу, праздная, лѣнивая, разобщенная и не стремящаяся къ объединенію въ общихъ цѣляхъ—какой это «примѣръ» для народа?!. Самый развращающей примѣръ, какъ точно такъ же его развращаетъ жизнь богатыхъ людей, въ большинствѣ теперь тоже интеллигентныхъ.

Скромный приволжскій городокъ Василь до послѣдняго лѣта не подвергался развращающему вліянію богатства. Наѣжающіе сюда дачники—люди въ большинствѣ небогатые, а мѣстные богачи—

надо отдать имъ честь,—живутъ скромно, тихо, безъ всякихъ излишествъ и вычурностей. Но лѣтомъ 1910 г. поселились въ Василь на дачѣ настоящіе богачи—и городокъ ахнулъ отъ удивленія и негодованія, «дивовался» безъ конца...

По совѣту врачей, въ Василь прибыла, чтобы попользоваться его благотворнымъ климатомъ, астраханская миллионерша-армянка, параличная старуха, не встающая съ своей роскошной кровати, устроенной со всѣми удобствами—съ ящиками со льдомъ, для освѣженія, и проч. Старуху сопровождали—дочь съ мужемъ, предводителемъ дворянства, ихъ дочери и свита до 30 человѣкъ—докторъ, фельдшеръ, сидѣлки, горничная и т. д. Чтобы перевезти эту ораву, сняли на меркурьевскомъ пароходѣ весь I классъ, за 1800 р. Грандіозная кровать, съ лежащей на ней старухой, не проходила въ народные двери и пришлось прорубить стѣнку да устроить особыя приспособленія для спуска кровати съ парохода на пристань. Словомъ, для богатства не оказалось никакихъ препятствій.

Для перенесенія старухи съ пристани на гору, гдѣ сняли дачу, наняли 12 здоровенныхъ балчужниковъ, и они торжественно понесли громадную кровать черезъ весь городъ, вызывая всеобщее любопытство. Толпа ребятъ и взрослыхъ сопровождала необычайное зрѣлище, многими принимавшееся за похороны. Наивные черемисы торопились ломать шапки и креститься... Старуха утопала въ своихъ подушкахъ, одѣялахъ, возвышаясь надъ толпою, словно идолище какое... Тяжесть кровати заставляла балчужниковъ дѣлать частыя остановки—«для литій», какъ иные шутили. Но въ общемъ настроеніе васильчанъ было далеко не шутливое: долго они толковали на тему о силѣ капитала, завидовали его обладателямъ и т. д. безъ конца...

Не менѣе зловредно вліяніе многочисленцій у насъ полуинтеллигентій—недорослей и недоучекъ, нахватавшихъ разныхъ «модныхъ» верховъ, или пережевывающихъ старое. Отъ этихъ декоративныхъ «интеллигентовъ» всего болѣе страдаетъ провинція: они встрѣчаются на всевозможныхъ поприщахъ—въ свободныхъ профессіяхъ (начиная съ «революціонной», гдѣ подобный типъ особенно зловреденъ...), въ земскихъ сферахъ, въ промышленной средѣ, въ чиновничьемъ мірѣ и пр. и пр. Поэтому, очевидно, провинція и не живеть, а прозябаетъ подъ сѣнью всевозможныхъ декораций, что тоинъ въ провинції задаетъ теперь именно эта мишурная полуинтеллигентія.

«Правые» ли, «лѣвые» ли—всѣ полуинтеллигенты одинаково зловредны. Вотъ, напримѣръ, «правый»—богатый землевладѣлецъ нѣсколькихъ губерній, отставной штыкъ-юнкеръ, или что-то въ этомъ родѣ. На Волгѣ у него есть значительные лѣса и заливные луга, кои онъ каждое лѣто обозрѣваетъ, провѣряя свою лѣсную стражу. Луга, находящіеся въ арендѣ, очень портятъ свиньи сосѣдней деревни. Замѣтивши потраву, помѣщикъ вытаскиваетъ браунингъ и

начинает охоту за деревенскими свиньями, укладывая ихъ цѣлыми десятками... А мужики молчать, ибо они же арендуютъ у него луга, крадутъ его лѣсъ и проч. Такъ обѣ стороны изучаются на практикѣ теорію «священной собственности»...

А вотъ «лѣвый», несмотря на свою профессію... иравославнаго исаломщика... Неглуцый и довольно развитой молодой человѣкъ рассказывалъ, пресервѣзно вѣря въ истинность своихъ нелѣбныхъ рассказовъ, будто во время «московскаго бунта» 1905 г. митрополитъ московскій Владимиръ «приказалъ убить! революціонеровъ, искавшихъ убѣжища въ храмѣ, гдѣ онъ служилъ обѣдню»...

Еще курьезныѣ были басни этого «лѣваго» исаломщика (такое совмѣстительство теперь въ порядкѣ вещей и на болѣе высокихъ ступеняхъ церковной іерархіи...) о недавнемъ прошломъ. Ничто же сумпяся, онъ рассказывалъ, какъ въ 1890-хъ годахъ быль якобы полученъ «указъ задавить 6 младенцевъ, родившихся по собачьему положенію—въ одинъ день», у какой-то бабы подъ с. Работками (Нижегор. губ.)... Тамъ же якобы у другой бабы «родился младенецъ съ коныtkами, который сейчасъ же удрахъ отъ матери подъ печь, и уже на другой день заговорилъ, и даже сталъ ругаться матерно»... Но это чудо «указа» не дождалось, такъ какъ, вволю наругавшись, убралось на тотъ свѣтъ.

Помимо подобной смѣхотворной полуинтеллигенціи, есть въ провинціи и настоящая интеллигенція, безъ кавычекъ, но и она въ большинствѣ либо сидитъ, закупорившись въ своихъ муръяхъ, и отваливается отъ общественного дѣла, либо ведеть послѣднее кое-какъ, чисто въ декоративномъ смыслѣ. Любопытную исторію разсказывалъ интеллигентный купецъ г. Кириллова (Новгород. губ.). Наканунѣ «революціи» образовался у нихъ дружный кружокъ мѣстной интеллигенціи, который задумалъ хорошее дѣло—издавать газету, но предварительно выпустить общедоступный «календарь-альманахъ», а въ немъ дать популярные очерки по всевозможнымъ, необходиымъ для народа, отраслямъ знаній—по праву, сельскому хозяйству и т. д. Инициаторы разсчитывали, что подготовленный такимъ руководящимъ сборникомъ народъ почувствуетъ нужду и въ газетѣ. Дѣло въ кружкѣ закипѣло, всѣ дружно работали, подготовляя материалъ для альманаха и—вдругъ!—все лопнуло, когда кружокъ лишился двухъ лучшихъ работниковъ: одинъ умеръ, другой былъ «изъять изъ употребленія»... Разсказчикъ недоумѣвалъ:

— Отчего это мы, русскіе, начинаемъ всякое дѣло горячо, а потомъ остываемъ и бросаемъ, не кончивши?..

— Это признакъ переутомленія, а можетъ быть и начинающагося вырожденія націи...

— А по-моему, таково ужъ свойство народнаго характера...

— Однако, раньше его не было: въ народѣ, строившемъ русскую землю, было достаточно и энергіи, и предпріимчивости, и работоспособности...

Бесѣда эта происходила на пароходѣ «Надежда», рейсирующемъ по «системѣ герцога Вюртембергскаго» и р. Шекснѣ, до Рыбинска. Пароходъ принадлежитъ недавно образовавшемуся «Кирилловскому пароходному товариществу», пайщиками котораго состоять жители гор. Кириллова и его уѣзда. Дѣло поставлено хорошо, быстро растеть и обѣщаетъ блестящую будущность. Главный инициаторъ и руководитель этого дѣла, на своихъ плечахъ вынесшій весь трудъ постановки нового предпріятія и притомъ трудившійся совершенно даромъ, теперь съ грустью разсказываетъ, какъ пайщики, палецъ о палецъ не ударили для общаго дѣла, столь придирчиво «критикуютъ» дѣятельность инициатора, что ему приходится на все махнуть рукою и даже выйти изъ пайщиковъ созданнаго имъ дѣла...

Это—тоже россійская черта: оплевать всякаго общественнаго дѣятеля, хотя чуточку выдѣляющагося изъ рядовой массы посредственостей-лжебокъ... Но, съ другой стороны, нельзя не сознаться, что сами общественные дѣятели почти всегда даютъ поводы къ нареканіямъ на нихъ. Вотъ и этотъ организаторъ Кирилловскаго пароходства, несомнѣнно, человѣкъ почтенный, порядочный и довольно интеллигентный для своего купеческаго званія, вызвавшій большія симпатіи къ себѣ, какъ къ общественному дѣятелю, вдругъ подложилъ самъ себѣ такую свинью, что пришлось развести руками...

Въ столовую рубку II класса (на «Надеждѣ» очень практическое повѣщество—упраздненъ дорогой и излишній I классъ, а на его мѣсто—на носу—устроенъ II классъ, все же остальное пространство отведено III классу, удобно устроенному) входитъ пароходный буфетчикъ и въ бесѣдѣ съ г. К. (вышеупомянутымъ инициаторомъ) жалуется на плохую торговлю буфета. К. замѣчаетъ ему:

— Рано ты стала плакаться: вѣдь пароходъ дѣлаетъ первый рейсъ... и посмотри, какъ много пассажировъ!.. пустовать не будетъ...

— Много-то ихъ много, а намъ толку отъ нихъ мало, потому--ничего не пьютъ!..

— А ты погоди!.. вотъ пойдутъ домой съ плотовъ боровляне¹⁾, такъ они у тебя оставятъ весь свой заработокъ... Въ прошлую навигацію я бѣжалъ съ ними на пароходѣ отъ Череповца до Топорни²⁾), такъ они выпили за этотъ перегонъ 5 четвертей водки... Вотъ тогда и ты не эѣвай!..

Почтенный коммерсантъ передалъ буфетчику этотъ «благой совѣтъ» насчетъ спаиванья несчастныхъ бурлаковъ совершенно серьезно и сочувственно къ положенію спаивателя!.. Очевидно, тутъ сказалась кулаческая жилка, которая невольно сквозитъ и

¹⁾ Такъ называются здѣсь сгонщики плотовъ, бурлаки.

²⁾ Пристань на Шекснѣ, откуда начинаются каналы «Биртембергской системы».

въ самомъ интеллигентномъ коммерсантѣ, даже просто въ человѣкѣ купеческаго происхожденія.

Кулачество не чуждо и другимъ сословіямъ, и вообще людямъ полуинтеллигентнымъ всякихъ сословій. Какъ, напримѣръ, много кулачества въ иныхъ земствахъ... Не умѣя или не имѣя силы заставить богатыхъ людей уплатить земснія недоимки, накопляющіяся десятками тысячъ, земства чисто по-кулацки выдавливаютъ изъ крестьянской бѣдности гроши... Въ Кадниковскомъ у. (Вологодской губ.) у крестьянъ масса маленькихъ водяныхъ мельничекъ, работающихъ больше для своихъ хозяевъ, чѣмъ на сторону. И всѣ эти «кустарныя» мельнички, даже полуразрушенныя, стоящія безъ работы и безъ воды, всѣ одинаково обложены земскимъ налогомъ но 2 рубля... Крестьяне протестуютъ противъ этого несправедливаго и для нихъ тяжелаго налога, но дальше словесныхъ протестовъ не идутъ и ничего добиться не могутъ.

И въ большинствѣ земствъ — «дитя плачетъ», а мать-земство «не разумѣеть...» Какіе ужасы происходили на рѣкѣ Ветлугѣ въ холерную эпидемію прошлаго лѣта, благодаря чисто декоративной дѣятельности мѣстныхъ земствъ!.. Одинъ ветлужанинъ писалъ мнѣ о Варнавинскомъ уѣздѣ (Костромской губерніи):

«У насъ эпидемія началась съ конца іюня и тянется доселе (августъ), то стихая, то вспыхивая вновь. Она охватила весь уѣздъ, начавшись близъ Варнавина, и отсюда по Ветлугѣ заразила почти всѣ прибрежныя деревни. Число жертвъ опредѣляется минимумъ въ одну тысячу, со смертнымъ исходомъ не менѣе 500 человѣкъ».

«Холера захватила наскѣ врасплохъ. Наше земство пѣлыхъ пять лѣтъ потратило на обсужденіе мѣропріятій на случай ея появленія и — ровно ничего не сдѣлало... Въ уѣздѣ не оказалось ни одного барака, если не считать городского, ибо онъ былъ безъ пола... И все-таки имъ пользовались, пока не пріѣхалъ вице-губернаторъ, который сейчасъ же велѣлъ его закрыть. Всѣ больницы въ уѣздѣ и городская обращены въ холерные бараки. Медицинскаго персонала не хватало и въ обычное время, а въ эпидемію тѣмъ паче. Правда, было прислано нѣсколько «отрядовъ», но изъ нихъ два врача черезъ двое сутокъ отказались работать, по первому состоянію» (sic)...

«Для постояннаго медицинскаго персонала работы была гибель въ первое время, когда приходилось щѣзть по деревнямъ — собирать больныхъ, хоронить умершихъ и т. д. Впечатлѣнія тамъ были ужасныя... Страдная нора: сѣнокосъ, житово и — два-три покойника въ избѣ, и это работники самого цвѣтущаго возраста... Нерѣдки случаи вымирания цѣлой семьи... Всюду плачь, стоны, слезы... стонуть и умирающіе, и оставшіеся въ живыхъ, и вольные-невольные зрители... О подавленномъ настроеніи всѣхъ нечего и говорить. Всѣ, какъ напуганные зайцы, боятся другъ друга, бѣгутъ

въ лѣса, прячутся отъ медицинскаго персонала, теряютъ вѣру въ его помощь... Былъ сплошной ужасъ...»

Давно отмѣчено любопытное явленіе, что чѣмъ дворяністѣ земства, тѣмъ оно декоративнѣе и дальше отстоитъ отъ народа. А Варнавинскій уѣздъ еще богатъ дворянами-помѣщиками... Еще болѣе богатъ ими сосѣдній уѣздъ Нижегородской губерніи—Васильскій. Съ самаго открытия земства тутъ царить—по выражению васильчанъ—«демидовщина», то есть фамилія богатыхъ дворянъ Демидовыхъ, дающая предводителей дворянства, предсѣдателей земской управы, земскихъ начальниковъ и т. д. Должность предсѣдателя земской уѣздной управы—наследственная въ фамиліи гг. Демидовыхъ...

Мало того: уѣздная управа находится—единственный фактъ въ Россіи, и фактъ возмутительный!—не въ уѣздномъ городѣ Васильѣ, а въ резиденції гг. Демидовыхъ—въ селѣ Быковкѣ, отстоящемъ въ тридцати верстахъ отъ города... Понятно, съ какими неудобствами соединено это крайнее безобразіе: кому нужна земская управа, тому часто нужны и казначейство, и полиція, и другія уѣздныя учрежденія, пребывающія въ Васильѣ, и обыватель вынужденъ колесить между Василемъ и Быковкой, тратить время, деньги и прочее. Много разъ васильчане хлопотали о прекращеніи этого безобразія, по «демидовщина» сильна и отстаиваетъ удобный для себя «порядокъ»...

Въ этомъ же родѣ и другіе «порядки» васильскаго земства, чѣмъ не самаго захудалаго въ Поволжье: школъ мало и о всеобщемъ обученіи вопросъ не поднимается; дороги отвратительныя, а на прекрасномъ старомъ Екатерининскомъ большакѣ вѣковыя березы рубятся на дрова для земскихъ учрежденій; медицинская помощь недостаточная; въ уѣздѣ, богатомъ садами, нѣть садовыхъ инструкторовъ, какъ нѣть ихъ для очень развитаго здѣсь кустарничаго производства мебели; пожарная часть въ заброcѣ и пр. и пр.—вездѣ одни минусы и ни одного, хотя бы крошечнаго, плюсика!..

Каковъ попъ, таковъ и приходъ: даже «третій элементъ» васильскаго земства не на высотѣ положенія... Одна исторія прошлаго лѣта раскрыла удивительные «порядки» земской больницы, находящейся въ Васильѣ. Казалось бы, что городская больница должна быть примѣрною, а выходить наоборотъ...

Какъ-то въ началѣ августа васильчане съ негодованіемъ узнали, что среди бѣлага дня на улицѣ больничный служитель напалъ и жестоко избилъ почтеннаго горожанина г. К.—на, человѣка уравновѣшеннаго, порядочнаго, неспособнаго, что называется, муху обидѣть. Служитель же извѣстѣнъ за очень грубаго и выпивающаго человѣка, способнаго въ хмелю на всякое хулиганство. Полагали, что онъ избилъ г. К., какъ пьяный нахаль, ни за что, ни про что. Но оказалось другое: г. К. по профессіи прекрасный

столяръ и, кромъ мебели, дѣлаетъ гробы и приглашается на похороны въ качествѣ распорядителя, умѣющаго замораживать трупы и пр. На помощь себѣ онъ беретъ одного горожанина, но не обращается къ больничнымъ служащимъ, тоже претендующимъ на роль распорядителей при похоронахъ.

Дѣйствительно, на дешевыя похороны приглашаютъ служителей и они участвуютъ въ нихъ всѣмъ своимъ составомъ, выступая носильщиками и т. д. Спрашиваю: кто же въ этихъ случаяхъ остается при больныхъ въ больницѣ?

— Можетъ быть, водовозъ...—отвѣчаетъ васильчанинъ.

— Гдѣ тамъ!—перебиваетъ другой:—больничный водовозъ цѣлый день возить воду, то въ больницу, то къ своему врачу, за версту отъ больницы, то на квартиры богатыхъ дачниковъ—клептоворъ врача...

— Все же сидѣлки остаются при больныхъ...

— Не всегда... какъ уродятся яблоки—сидѣлка цѣлые дни проводятъ въ садахъ смотрителя больницы, убирая яблоки...

Объ этомъ смотритель больницы васильчане говорять, что онъ служить, вѣроятно, изъ одного удовольствія, такъ какъ самъ человѣкъ богатый—имѣеть дома, сады, торгуется мясомъ и проч., то есть не нуждается въ ничтожномъ жалованіи смотрителя... У него большія наклонности именно къ торговлѣ, которую онъ заувѣль даже въ больницѣ: жалованье смотрителямъ, сидѣлкамъ и др. выдается часто не деньгами, а своими товарами—чаемъ и прочимъ.

Понятно, что служители ищутъ приватнаго заработка на похоронахъ и озлоблены на г. К—на, не зовущаго ихъ на болѣе выгодные похороны. За это и былъ онъ избитъ...

Горожане все же полагали, что служитель-хулиганъ, избивший невиннаго человѣка, будетъ немедленно изгнанъ изъ больницы, гдѣ нельзѧ держать грубаго и часто пьяного человѣка, способнаго и больныхъ бить... Увы! все начальство больницы горой стало на защиту своего хулигана и весь гнѣвъ свой обратило на пострадавшаго г. К—на...

Для перевязки своихъ ранъ онъ отправился въ больницу въ сопровожденіи жившаго въ его домѣ дачника—военного доктора изъ Петербурга. Земскаго врача не было на мѣстѣ: онъ уѣхалъ въ уѣздъ на частную практику,бросивши больницу (какъ дѣлаетъ чисто) на руки невѣжественнаго фельдшера (кажется, изъ «ротныхъ фельдшеровъ»), не сумѣвшаго даже разобрать докторскій значокъ на мундирѣ военного доктора... Зазнавшійся фельдшеръ, уполномоченный земскимъ врачомъ даже на незаконное производство серьезныхъ операций (въ моментъ прихода К—на съ военнымъ докторомъ фельдшеръ былъ занятъ операцией надъ раздробленной рукой дѣвочки... хотя въ городѣ былъ уѣздный врачъ...), былъ такъ дерзокъ и нахаленъ, что не хотѣлъ пустить въ больницу доктора меди-

цины даже послѣ того, какъ онъ объявилъ себя таковыемъ... Но докторъ настоялъ на своеемъ и присутствовалъ при наложеніи фельдшеромъ повязокъ на избитое лицо и голову г. К—на, давши первому жестокій нагоняй за грязный фартукъ на немъ, грязныя руки его, грязныя ножницы, грязные бинты и т. п.

Когда черезъ нѣсколько дней вернулся земскій врачъ, и г. К—нь обратился къ нему (около квартиры врача) съ просьбой выдать свидѣтельство больницы о нанесенныхъ ему ранахъ, для представленія въ судъ, врачъ грубо отказалъ въ выдачѣ свидѣтельства и нахально сказалъ больному, еще не оправившемуся отъ ранъ:

— Убирайтесь!.. а если явитесь въ больницу—велю сторожамъ выгнать васъ!..

Таковъ этотъ «земскій врачъ» и таковы «порядки» «образцовой» больницы дворянскаго земства...

VII.

Полуинтеллигентія преобладаетъ и въ рядахъ администраціи, существующей у насъ не столько ради существа дѣла, сколько для декорацій и «украшеній»... Каталась какъ-то по Волгѣ одна высокая особа и добралась до Васильскаго уѣзда, на границахъ котораго—въ селѣ Юринѣ—собралась встрѣтить особу вся администрація—исправникъ, земскіе начальники, становые пристава и другіе. Троє сутокъ они тамъ дежурили и—трое сутокъ уѣздъ оставался безъ власти... и остался цѣль и невредимъ: пасомое властями стадо не разбѣжалось, и волки его не расхитили... Говорю по этому поводу одному представителю власти:

— Вотъ вамъ блистательное доказательство безполезности и декоративности вашего существованія!.. Троє сутокъ уѣздъ преспокойно прожилъ при полномъ отсутствіи властей, и такъ же бы отлично прожилъ и мѣсяцы, и годы... Очевидно, вы—одно «украшеніе», придуманное для оживленія соннаго пейзажа...

«Власть» не обидѣлась, а только посмѣялась, видимо, сознавая въ глубинѣ души правду этихъ словъ...

Насколько это «украшеніе» безполезно для обывателя, приведу маленькое извлеченіе изъ дневника жителя города Василя всего за два дня, относящихся къ «періоду успокоенія».

«7 августа (1910 г.). Сегодня случайно обнаружилось двойное убийство: убить сторожъ при нефтяныхъ бакахъ и его дочь... Сегодня же ограбленъ дачникъ, днемъ, въ чертѣ города—около земской больницы, двумя субъектами, отнявшими револьверъ, 50 рублей и прочее. Дачникъ не заявилъ полиціи и сбѣжалъ, чтобы не отвѣтить за ношеніе оружія (sic!)... Сегодня же обокрадена семья дачниковъ, но воръ пойманъ ими же, венци отняты,—полицію не беспокоили...

«8 августа. Обокрадена квартира учительницы (въ третій разъ за два года), о чемъ увѣдомлена полиція... На пристани возчикъ яблокъ проломилъ голову другому и сбѣжалъ. Городовые и стражники, «дежурящіе» больше въ трактирахъ, чайныхъ и пивныхъ, опоздали къ дракѣ и «для порядка» арестовали невиннаго человѣка, но публика его отбила... Въ портерной пироваль съ городовымъ «артистъ» шарманки съ петрушкой и ударилъ сидѣвшаго за сосѣднимъ столомъ васильчанина, физіономія котораго не понравилась «артисту». Городовой исчезъ, а васильчане вздули артиста основательно, послѣ чего онъ «очень извинился» предъ побившой его публикой...»

Имѣйте въ виду, что въ Василѣ постоинно пребываютъ до 30-ти стражниковъ, изнывающихъ отъ бездѣйствія и скучи. Можно бы кажется, поддерживать съ ними порядокъ, а его нѣтъ... Когда избитый г. К—нъ (см. выше) бросился за помощью противъ хулигана въ казарму стражниковъ, они заявили, что «безъ приказа исправника» не могутъ помочь ему... А исправникъ живеть въ двухъ верстахъ отъ казармы!..

Прошлою зимою въ Ядринскомъ (Казанской губерніи) и Курмышскомъ (Симбирской губерніи) уѣздахъ появилась масса волковъ, которые стаями ходили днемъ по дорогамъ, нападая на людей и истребляя скотъ. У населенія оружія нѣтъ: все отобрано по случаю «революціи»... И подлый звѣрь размножается въ небываломъ количествѣ и становится бичомъ населенія мѣстныхъ уѣздовъ. Быватели резонно замѣчаютъ:

— Отчего бы не высылать стражниковъ на истребленіе волковъ?!. Если соединить отряды ихъ изъ трехъ-четырехъ уѣздовъ, получится внушительная сила, которая могла бы въ конецъ истребить волковъ... И для стражниковъ была бы хорошая практика, и населенію оказали бы большое добро... Вотъ гдѣ слѣдовало бы сказать: «патроновъ не жалѣть!..» А вмѣсто такой полезной службы обществу стражники спятъ и ничего не дѣлаютъ, а стоять дорого...

Такихъ дорогихъ декорацій у насъ вездѣ понаставлено видимо-невидимо. Взять хотя бы пресловутыхъ земскихъ начальниковъ, уже отпраздновавшихъ недавно свой первый юбилей (неужели не послѣдній?!.), хоть весьма скромно—только въ «своей семье», безъ участія опекаемаго ими населенія... Какъ заликовали было обыватели, когда государственная дума подняла вопросъ объ упраздненіи этого архаического, несмотря на свою молодость, учрежденія. Увы! гора родила мышь: государственная дума (въ декабрѣ 1909 г.) къ великому разочарованію обывателей, остановилась на полдорогѣ, оставивши этотъ институтъ и только отнявши у него судебныя функции. Спасибо, конечно, и за то...

Въ 1902 году въ воронежскомъ окружномъ судѣ, при разборѣ дѣла о сопротивленія властямъ крестьянъ одного села въ Бобров-

скомъ уѣздѣ, спорившихъ о землѣ съ помѣщиками Станкевичами, крестьянинъ Андрей Малаховъ (руководитель крестьянъ) обронилъ очень характерное выражение: «теперь мы пожалованы земскими начальниками...»

Отъ этого милостиваго «пожалованія» зачесались крестьянскіе затылки въ первые же моменты учрежденія института и чешутся доселѣ... Вся крестьянская Русь поголовно—и правая, и лѣвая, и черная, и красная, рѣшительно вся негодуетъ на опеку земскихъ начальниковъ. И освобожденіе отъ нея будетъ привѣтствоваться народомъ такъ же радостно, какъ 50 лѣть назадъ освобожденіе отъ помѣщичьей опеки...

Исторія когда-нибудь расскажетъ, какую массу зла натворилъ и продолжаетъ творить этотъ институтъ, почти сплошь очутившійся въ рукахъ самой первобытной полуинтеллигентіи, а часто и того хуже—въ рукахъ просто дикихъ людей. Когда нѣсколько лѣть назадъ въ Васильскомъ уѣзде проворовался одинъ земской начальникъ (братски подѣлилъ съ волостнымъ старшиною 16 тысячъ какихъ-то крестьянскихъ денегъ), тогдашній губернаторъ отстоялъ его отъ суда (земской внесъ до ревизіи 8 тысячъ, а старшина не внесъ и пошелъ подъ судъ), оправдываясь, что «некому быть земскимъ начальникомъ—нѣть людей на эти мѣста»...

Дѣйствительно, «на эти мѣста» нѣть охотниковъ изъ настоящихъ людей... Въ земскіе начальники Макарьевскаго уѣзда (Нижегородской губерніи) попадъ какъ-то мѣстный помѣщикъ З., долго служившій въ нашихъ заграничныхъ посольствахъ и совершенно забывшій русскую жизнь. Ожидая къ себѣ съ визитами мѣстныхъ властей, онъ обстоятельно разспросилъ, какъ кого слѣдуетъ принимать, но перепуталъ названія должностей, благодаря чему разыгрались такія сцены: явившагося первымъ урядника З. очень изысканно принялъ въ гостиной и представилъ своей женѣ—испанкѣ, а относительно пріѣхавшаго затѣмъ исправника распорядился: «дать ему стаканъ водки и гнать въ шею!..»

Земской начальникъ сосѣдняго Семеновскаго уѣзда князь В. присудилъ одного крестьянина... «къ катогрѣ»!. Князя поспѣшили убрать, опасаясь, что онъ додумается и до смертной казни...

Въ другомъ уѣзде спрашиваютъ земскаго начальника:

— Почему вы не объѣзжаете свой участокъ?

— Зачѣмъ?—смотретьъ на дырявые крыши и рваные запуны?!. У меня много дѣла и въ канцеляріи...

Другой такой же канцелярскій дѣятель рѣшительно отказывалъ въ устройствѣ школъ, говоря: «сначала надо накормить васъ».

А кормятъ они мужиковъ все впроголодь... Въ голодный 1902 г. земскіе начальники Васильскаго уѣзда не давали крестьянамъ хлѣба изъ запасныхъ магазиновъ, принципиально мотивируя отказы

такъ: «получивши свой хлѣбъ, мужики не пойдутъ къ намъ работать»...

У одного изъ этихъ чиновниковъ-помѣщиковъ произошелъ такой діалогъ съ черемисомъ, получившимъ о казь въ выдачѣ «гамазѣйнаго» хлѣба:

- Сколько у тебя лошадей?
- Двѣ.
- Одну продай... А коровъ сколько?
- Двѣ.
- Одну продай... А овецъ?
- Двадцать.
- Десять продай... Вотъ тебѣ и хлѣбъ на всю зиму!..

Но черемисы не послѣдовали этому нехитрому рецепту и предпочли продавать амбары, бани и т. п., да покупали у богатыхъ черемисовъ старыя клади хлѣба, превратившагося въ навозъ... Одинъ васильчанинъ купилъ у черемиса рожь, лежавшую двадцать лѣтъ въ скирдѣ: зерно оказалось такъ черно, горько, невкусно—«отдавало смолою», что пришлось стравить весь хлѣбъ коровѣ, да и та ёла крайне неохотно—«воротила морду». А черемисы питались такимъ «хлѣбомъ», проклиная сытыхъ опекуновъ...

Въ Юрьево-Польскомъ уѣздѣ (Владимирской губ.) одинъ земскій начальникъ отличался буйнымъ нравомъ: ругался, дрался, спускаль мужиковъ съ лѣстницы (камера его помѣщалась во второмъ этажѣ), но въ то же время этотъ «столбовой дворянинъ» не гнушался занимать безъ отдачи деньги у своихъ подчищенныхъ—волостныхъ старшинъ, старость, писарей и т. д.

У одного земскаго начальника Варнавинскаго уѣзда (Костромской губ.) была любимая собака «Бульда», презная нравомъ и видомъ похожая на волка. Много зла она падѣлала мужикамъ, повадившись таскать ягнать изъ стада. У бѣдной вдовы, имѣвшей всего пять ягнятъ, «Бульда» сожрала трехъ, то есть по меньшей мѣрѣ на 5 рублей. Вдова бросилась къ земскому начальнику, но тотъ не далъ ей ни копейки и сказалъ: «я посажу «Бульду» на цѣнь... да она не любить цѣни»... Выше вдова не жаловалась, опасаясь, что «всему обществу достанется»... Позже мужики догадались убить «Бульду».

Курьезны «уѣздные сѣѣзы» земскихъ начальниковъ въ ихъ «судебныхъ» гласныхъ засѣданіяхъ : «смѣхъ и горе»—только и можно про нихъ сказать... Собираются они на два-три дня въ мѣсяцъ и скоропалительно «рѣшаютъ» за такую короткую сессию, засѣдая но пяти часовъ въ день, до 200 дѣлъ и больше... Въ городѣ Васильѣ предсѣдатель сѣѣза, предводитель дворянства Зубовъ (покойный), болѣе десяти лѣтъ страдалъ глухотою, и все же продолжалъ «предсѣдательствовать» на сѣѣздахъ. Молодые сочлены послѣдняго, соскучившись на засѣданіи, уходили въ сосѣднюю ком-

нату (клуба) и принимались играть на рояль. Музыка прекрасно доносилась въ залъ засѣданій, публика возмущалась, а глухой предсѣдатель и ухомъ не вель... Сплошь и рядомъ у него проходили такія сцены:

Судять крестьянина за недозволенную охоту на лося. Зубовъ говорить подсудимому, начиная съ своего любимаго и безсмысленного присловья:

— Большею частью и тому подобное... вѣдь ты сознался, убилъ лося?..

— Не убивалъ, ваше в—е!..

— Ну!... большею частію и тому подобное... значить, сознаешься?

— Никакъ нѣтъ, ваше в—е, не сознаюсь!..

— Вотъ и прекрасно, что сознаешься!..

— Не сознаюсь!..—кричать уже подсудимый.

— Это... большею частію и тому подобное... очень хорошо, что ты сознаешься...

Наконецъ на помощь приходитъ сочленъ и кричить на ухо предѣдателю, въ чемъ дѣло...

Если отъ этихъ пеносредственныхъ опекуновъ народа обратимся къ общей администраціи—и тамъ найдемъ ту же декоративную дѣятельность... Безъ году недѣля прошла, какъ введенъ «законъ ноября», разрушающій вѣковую общину, увеличивающій сельскій пролетаріатъ (усиленные кадры будущей «пугачевщины»...), созидающій скучныхъ землею «хуторянъ» и богатыхъ «новыхъ помѣщиковъ», какъ г. Столыпинъ уже обозрѣлъ свое созданіе и открылъ «блестательные результаты» въ теченіе такого короткаго періода дѣйствія новаго закона...

Но обыватели знаютъ настоящую подкладку этихъ «отрубныхъ» и «хуторскихъ» декорацій... Казалось бы, что выселеніе на отруба будетъ полезно мѣрою въ тѣхъ случаяхъ, когда часть селенія переселяется на свои дальняія земли, или мало обрабатываемыя, или совсѣмъ заброшенныя, или сдаваемыя въ аренду другимъ обществамъ. Однако и въ подобныхъ случаяхъ крестьянне неохотно идутъ на отруба, а гдѣ переселились на нихъ, прельщенны разными льготами и пособіями, тамъ уже стали «плачаться» на переселеніе и мечтаютъ о возвращеніи обратно, въ свои насиженныя гнѣзда, болѣе удобныя для житія, чѣмъ наспѣхъ и кое-какъ оборудованные отруба. Такой случай произошелъ, напримѣръ, въ Наровчатскомъ уѣздѣ (Пензенской губерніи): часть крестьянъ с. Вечкинина переселилась на свою дальнюю землю и образовала деревню Александровку, а теперь уже «плачется и желаетъ вернуться обратно»... Такихъ примѣровъ масса.

Къ какимъ блестательнымъ результатамъ приводить «законъ 9 ноября»—приведу въ извлеченіи два сообщенія изъ поволжскихъ газетъ, какъ весьма типичныя. Въ № 373 симбирской газеты «Волжская

Вѣсти» (отъ 1 іюля 1910 г.) сообщалось, что «со времени изданія указа 9 ноября 1906 г. обѣ укрѣпленіи въ личную собственность земельныхъ душевыхъ надѣловъ, въ с. Хрящевкѣ появилась масса новыхъ помѣщиковъ», среди которыхъ первую роль играетъ богатый мельникъ-крестьянинъ П. Г. Гордѣевъ, скупившій къ 1 іюля 60 надѣловъ, около 390 десятинъ, въ среднемъ по 35 р. за десятину, тогда какъ самъ сдастъ эту землю въ аренду по 25—30 р. за надѣль...

Въ № 888 самарской газеты «Волжское Слово» (отъ 4 іюля 1910 г.) читаемъ, что въ одномъ сельскомъ обществѣ Новоузенскаго уѣзда нѣмецкіе колонисты скучили 250 «душъ», т. е. больше 3 тысячъ десятинъ. Сельское общество хотѣло само скупить эти земли, но земскій начальникъ не позволилъ, ссылаясь на то, что общество якобы «не имѣть права» скупить (!?...)... Изъ 250 продавцовъ членовъ 5—6 пустили деньги въ дѣло, а остальные все пропили, «погулявши» всласть... И такихъ примѣровъ масса..

Та же черта декоративности присуща и всяkimъ другимъ новымъ мѣбропріятіямъ администраціи. Вышелъ, напримѣръ, новый законъ о клейменіи вѣсовъ, а въ результатѣ произошло сокращеніе базаровъ: «мужики боятся прѣѣхать на базары»... За клейменіе старыхъ вѣсовъ берутъ 3 рубля, и клейменіе надо производить черезъ 3 года. Хотя чиновники пробирной палатки їздятъ по уѣздамъ, но ихъ не всегда и не вездѣ поймаешь, а їздить въ губернскій городъ и дорого, и неудобно. Понятно, крестьяне просрочиваютъ и не торопятся возобновлять клейма, а полиція составляетъ протоколы и гонитъ съ базаровъ. Новые же клейменые вѣсы стоять очень дорого, не по мужицкому карману—10—12 р., хотя красная цѣна имъ 2—3 р.

Такъ вотъ у насъ во всемъ, въ большомъ и маломъ, то недосолъ, то пересолъ... Не мудрено, если обыватели игнорируютъ неудобные для нихъ законы, или обходить ихъ при помощи тѣхъ же представителей власти. Одинъ изъ нихъ гдѣ-то заявилъ обывателямъ:

— Вы первые нарушители закона!..

— Да, но потому, что вы—первые продавцы закона!..—отпарировалъ обыватель.

Декоративность въ обиліи наблюдается на самыхъ верхахъ провинціальной администраціи. Нижегородскій губернаторъ г. Шрамченко (наканунѣ своего неожиданного перевода въ Вологду) вздумалъ прокатиться по своей губерніи, воспользовавшись чисто лѣтней весенней погодой. Въ с. Исадахъ его встрѣтилъ исправникъ Макарьевскаго уѣзда, одѣтый, вслѣдствіе жары, въ походную тужурку. И досталось же этой тужуркѣ отъ губернатора... Такъ жестоко онъ пробралъ исправника за его «вольномысліе»—за встрѣчу не въ мундирѣ, что теперь, говорять, исправникъ даже въ баню ходить въ мундирѣ и со всѣми регаліями: а ну какъ въ банѣ попадется губернаторъ?!..

Преемникъ г. Шрамченка въ Нижнемъ—г. Хвостовъ (бывшій вологодскій губернаторъ) при первомъ свиданіи съ гласными городской думы заявилъ о своемъ желаніи заняться отнюдь не городскими дѣлами, а... соединеніемъ Волги съ Сѣверной Двиною посредствомъ р. Костромы и притоковъ р. Сухоны... Это бы еще не бѣда, что губернаторъ фантазируетъ, вмѣсто того, чтобы заниматься своимъ прямымъ дѣломъ... Но удивительно, что бывшій вологодскій губернаторъ не знаетъ, что Волга давнымъ-давно соединена съ Сѣверной Двиною «системою герцога Вюртембергскаго», что Вологда лежить вблизи этой системы и что изъ Вологды можно проѣхать воднымъ путемъ на Волгу.

Именно этимъ путемъ я проѣхалъ прошлымъ лѣтомъ на пароходахъ изъ Вологды до Рыбинска—по рѣкамъ Вологдѣ, Сухонѣ, озеромъ Кубенскимъ и по «Вюртембергской системѣ», очень старой, запущенной, небрежно содержимой, но оживленной значительнымъ движениемъ судовъ, значитъ—жизнеспособной и могущей прогрессировать. Существуетъ нѣсколько проектовъ улучшенія и развитія этой системы, на что и надо добиться казенной, сравнительно небольшой, субсидіи, а не бросать казенные миллионы на фантазіи г. Хвостова, собирающагося ломиться въ открытую дверь...

Заканчиваю эту главу своего рода апоѳеозомъ нашей администраціи... Пароходъ «Ломоносовъ» подошелъ къ пристани заштатнаго города Красноборска, на Сѣверной Двинѣ (ниже Котласа). Высыпавшіе на балконъ немногочисленные пассажиры были поражены необычайнымъ весельемъ, царившимъ на пристани. Собравшіеся тамъ горожане потѣшились надъ хромымъ дурачкомъ, очень забавнымъ по костюму: онъ былъ одѣтъ въ рваный и грязный мундиръ коннаго стражника, въ красномъ картузѣ, не то лейбъ-гусара, не то начальника станціи, съ висѣвшими на перевязи ножнами отъ шашки. Молодой дурачокъ, видимо, страдалъ маніей величія и суетился на пристани, устанавливая порядокъ, подъ хохотъ и издѣвательства публики. Это его сердило, онъ горячился, отрызался, колотилъ мальчишекъ своими пустыми ножнами и продолжалъ якобы возстановлять порядокъ. Дежурившіе на пристани дѣятельный стражникъ и водяновскій чинъ не мѣшали дурачку, потѣшаясь надъ нимъ не менѣе публики и не помышляя о томъ, что дурачокъ «оскорбляетъ честь мундира»... Одинъ изъ пассажировъ замѣтилъ:

— Развѣ не олицетворяетъ этотъ дурачокъ нашу администрацію, которая воображаетъ, что она якобы «возстановляетъ порядокъ» и «править народомъ»?! На самомъ же дѣлѣ народъ только отмахивается отъ всякаго начальства, какъ отъ назойливой мухи, терпить его до поры до времени и отводить душу самymъ ироническимъ отношеніемъ ко всевозможной его «дѣятельности»...

VIII.

Надо ли говорить о декоративности нашего юнаго парламента? — она всѣмъ бѣть въ глаза... Какъ ни важенъ для народнаго само-сознанія самый фактъ существованія государственной думы, но отрицательнаго отношенія народа къ ея дѣятельности нельзя скрыть. Какие ни возьмите шаги государственной думы — и крупные, и мелкіе, и прогрессивные, и реакціонные, всѣ болѣе или менѣе отрицательно воспринимаются провинціей. Уже напуганной серьезными промахами государственной думы и потерявшей вѣру въ нее...

Какъ негодуетъ, напримѣръ, провинція на возмутительно небрежное отношеніе государственной думы къ такъ называемой «вермишель», т. е. къ мелкимъ законопроектамъ, затрагивающимъ самые жизненные интересы провинціи. Господа чиновники, застѣдающіе въ государственной думѣ, пекутъ ихъ, какъ блины, и «сбываются съ рукъ», подобно заправскимъ чинушамъ, или «кладутъ подъ скуню» и т. п.

И невольно у обывателей является мысль о необходимости учрежденія областныхъ думъ, кои вѣдали бы не только эту «вермишель», но и всѣ вообще законопроекты, касающіеся провинціи, предоставивъ государственной думѣ, значительно сокращенной въ составѣ, обсужденіе высшихъ общерусскихъ законовъ, контроль надъ администрацией и т. п. Обыватели даже намѣчаютъ число областныхъ думъ: ихъ должно быть 11, по числу естественно сложившихся областей — Московская, Поволжская, Уральская, Малорусская, Бѣлорусская, Новороссійская, Польская, Финляндская, Кавказская, Сибирская и Среднеазіатская.

Только эти областныя думы стануть близко къ народу, окунутся въ его кровные интересы и сдѣлаются его руководителями. Нынѣшняя же государственная дума, да еще при отрицательномъ отношеніи къ ней правительства, превратится скоро въ нѣчто жалкое и смѣхотворное...

Положеніе обывателей оказывается страшно трагическимъ: отъ старого «режима» добра не ждутъ, а «новый режимъ» выразился пока въ государственной думѣ, въ которой всѣ уже разочаровались, да въ... дѣятельности г. г. революціонеровъ, разочарованіе въ которыхъ нисколько не меньшее... Обыватели говорятъ:

— Какіе же это «апостолы новой вѣры» и «пророки новой жизни», если они окружаютъ себя самыми позорными декорациями старого режима!.. Тотъ же у нихъ деспотизмъ, такой же «шефъ жандармовъ» г. Бурцевъ, свои «охранки», «сыски», «шпіонажъ» и т. п.

— А чего стоять, — подхватываетъ другой обыватель, — и какъ омерзительны всѣ эти «кающіеся охранники», равно какъ и «кающіеся революціонеры»...

И онъ приномнилъ, какъ въ 1890-хъ годахъ г. Амфитеатровъ, въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ «Старого джентльмена» въ «Новомъ Времени», рассказалъ съ доказательствами въ рукахъ, что «кающіеся революціонеры», сотрудничавшіе тогда въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»—Левъ Тихоміровъ (нынѣ редакторъ ихъ), Н. Н. Говоруха-Отрокъ (нынѣ покойный) и др. «пошли въ станъ правыхъ, чтобы испоплить его до омерзѣнія» (ставлю въ кавычкахъ не буквальныя слова, а мысль)... Обыватель прибавилъ:

— И мнѣ приходилось бесѣдовать съ однимъ изъ сотрудниковъ «Московскихъ Вѣдомостей» того времени, тоже «бывшимъ», если не революціонеромъ, то радикаломъ—съ нынѣ покойнымъ врачомъ М. Н. Гл—мъ: и онъ оправдывалъ свое вступленіе въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей» именно тѣмъ же мотивомъ... И Гл—й, подобно Говорухѣ-Отроку, не долго выдержалъ муку такого раздвоенія: оба они спились и рано умерли...

— Похоже,—замѣтилъ первый обыватель:—что и правые, въ родѣ этихъ «кающихся охранниковъ» и т. и., стали прибѣгать къ тому же рискованному оружію: пошли въ станъ лѣвыхъ, чтобы вызвать къ нимъ омерзѣніе общества...

Во всякомъ случаѣ, тутъ происходитъ какая-то страшная неразбериха, въ которой теряется обыватель... Все шатается, и всеобщее недовольство растетъ, а наверху увлекаются какими-то побрякушками, въ родѣ «хуторовъ» и т. п. Вездѣ—«не жизнь, а декорациѣ»... Одинъ обыватель замѣтилъ:

— Чего же вы хотите, если у насъ даже такъ называемый «народный гимнъ»—чисто декоративный...

— Какъ такъ?!

— Очень просто: музыка этого гимна не сочинена А. Ф. Львовымъ¹⁾ а... списана съ стариннаго голландскаго псалма, который съ незапамятныхъ временъ поется во всѣхъ голландскихъ церквяхъ разъ въ году—на первый день Пасхи...

И онъ рассказалъ, какъ прошлымъ лѣтомъ былъ въ Голландіи и въ одномъ голландскомъ домѣ хоръ дѣвушекъ и молодыхъ людей спѣлъ, подъ аккомпанементъ рояля этотъ старинный псаломъ: и онъ буквально, такъ въ тактъ, оказался... российскимъ «народнымъ гимномъ»... Проверить это нетрудно.

IX.

Соедините вмѣстѣ всю массу зловредныхъ вліяній, исходящихъ отъ всевозможныхъ россійскихъ «декораций», замѣняющихъ подлинную жизнь, и вы поймете, почему мрачное настроеніе и недобрая

¹⁾ Любопытно, что, кромѣ этого гимна, за Львовымъ не числится никакихъ другихъ композицій...

предчувствія одолѣваютъ обывателя, одинаково—и народъ, и общество, и интеллигенцію. Тревога за будущее растетъ и въ провинціи...

Въкими сложившаяся ненависть народа къ «господамъ» значительно усилилась послѣ краха революціи, поманившей народъ въ «райскія обители», а въ действительности ничего не давшей ему... Народъ не сознаетъ, что и онъ самъ своимъ анархическимъ движениемъ помышлялъ «освободительному», напугавши анархіей всѣ умѣренные и «сочувствующіе» слои народа и общества, и валить всю вину на «господъ» вообще, относя къ нимъ не только администрацію, открыто воевавшую съ революціей, но и «сочувствующую» интеллигенцію, и самихъ дѣлателей революціи, разныхъ «макратовъ», и т. д.

У народа зреетъ мысль, что «господа ничего для народа не сдѣлаютъ», а все хорошее долженъ «сдѣлать самъ народъ»... Какъ и что именно надо дѣлать—народъ не знаетъ. Возможны, однако, страшные попытки народа «самому взяться за дѣло», страшны именно потому, что у народа нѣтъ другихъ опытовъ, кроме «разинципиы», «спугачевщины» и т. п. движеній.

И обѣ этомъ уже говорить народа и довольно открыто, несмотря на всѣ мѣры по части « успокоенія » и « устроенія »... Осеню 1909 г. на одномъ волжскомъ пароходѣ какой-то мастеровой или рабочій громогласно проповѣдывалъ:

— Черезъ два года станемъ всѣхъ господъ рѣзать!.. всѣхъ подъ рядъ, поголовно—чиновниковъ, купцовъ, поповъ и другихъ начисто всѣхъ...

Народъ почему-то ждетъ чего-то страшнаго именно въ 1912 году... Вѣроятно, народная память хранить воспоминанія о томъ, что «12-е годы» предыдущихъ вѣковъ были роковыми для Россіи.

Эти тревожныя ожиданія наблюдаются и въ разныхъ слояхъ полуинтеллигенціи. Одинъ представитель ея, чѣмъ-то недовольный на духовенство, говорилъ:

— Вотъ погодите!.. когда будетъ новое возстаніе, я раскрою всѣ штуки нашихъ поповъ, архіереевъ и самого синода...

Даже у примитивныхъ черемисовъ, чувашъ и другихъ ильородцевъ идетъ какое-то броженіе, трудно наблюданое вслѣдствіе незнанія ихъ языковъ. И они что-то думаютъ насчетъ нашихъ непорядковъ, толкуютъ даже про «республику» и т. п.

Междуда тѣмъ обыватели увѣрены, что новый взрывъ народного недовольства было бы возможно предупредить очень нехитрымъ пріемомъ: надо итти впередъ, а не топтаться не мѣстѣ и не итти назадъ, когда все говорить противъ такого топтанья и противъ попятнаго движенія... народа такъ нетребовательнъ и готовъ удовлетвориться аламъ...

Теперешняя же убогая реакціонная политика ведеть уже проснувшіяся народъ къ новымъ революціоннымъ взрывамъ, и къ болѣе страшнымъ, чѣмъ предыдущій... Какъ бы ни тѣшили себя спящіе

вверху наступившимъ якобы «успокоеніемъ», наблюдатели низовъ не върять въ продолжительность этого чисто наружнаго «успокоенія». И здѣсь та же россійская «декорація», какъ и вездѣ у насъ...

И если хочется вѣрить, что новая «пугачевщина» у насъ немыслима, то отнюдь не благодаря маниловскимъ (въ родѣ «хуторовъ») и полицейскимъ мѣропріятіямъ, а по совершенно инымъ основаніямъ. У народа уже есть своя интеллигенія, настоящая (безъ кавычекъ), изъ народа же вышедшая, которой народъ довѣряетъ и пойдетъ за нею охотно. А эта крестьянская, фабричная и т. д. интеллигенція, вскормленная тою же пищею, что интеллигенція изъ общества, не позволитъ разразиться «пугачевщинѣ» въ полномъ ея размахѣ—не допустить ни «поголовной рѣзни», ни истребленія культурныхъ начинаній и т. п.

Правда, народной интеллигенціи очень мало, да и та больше «изъята изъ употребленія», по изумительной слѣпотѣ нашихъ заправиль, рубящихъ сучки того дерева, на которомъ сами же сидятъ.. Остается одна надежда—на здравый смыслъ и на совѣсть народа, т. е. лучшихъ его представителей. Порукою въ этомъ многія здравыя явленія, и сейчасъ наблюдаемыя въ народѣ.

Какъ быстро, напримѣръ, растуть ряды народной интеллигенціи. Лѣтомъ 1909 г. встрѣчу на окскомъ пароходѣ очень бѣдно одѣтаго «замочника» изъ-подъ села Павлова, щахавшаго домой изъ Нижняго съ дочкой 12 лѣтъ—гимназисткой. Бѣдный кустарь съ понятною гордостьюю разсказывалъ, какъ онъ, при помощи добрыхъ людей, «вывелъ въ люди» еще двухъ сыновей: одинъ находится въ училискомъ институтѣ, другой въ гимназіи.

Прошлымъ лѣтомъ на пароходѣ «Братъя», рейсирующемъ по «Вюртембергской системѣ», щахали до гор. Кириллова три крестьянскія дѣвочки, 13—14 лѣтъ, чтобы сдать экзаменъ въ 4-й классъ женской гимназіи. Окончивши двухклассное училище, онѣ еще прошли курсъ двухкласснаго же мужскаго училища. Отецъ одной дѣвочки помогъ своему брату добиться званія народнаго учителя и на ту же дорогу выводить своего сына, а дочь направилъ въ гимназію, несмотря на противодѣйствіе мачехи. Дѣвочки заплатили за пароходъ по 20 к. (отъ 5-го шлюза), а обратно домой предполагали итти пѣшкомъ, за неимѣніемъ денегъ. Онѣ имѣли при себѣ узелки со скучной провизіей, разсчитывая на даровой ночлегъ въ монастырской гостиницѣ. вообще производили трогательное впечатлѣніе.

Козьмодемьянское земство (Казанской губерніи) открыло сельскохозяйственные курсы для черемисовъ и чувашъ, и дѣло идетъ прекрасно: отъ взрослыхъ курсистовъ нѣть отбою... Дѣло поставлено разумно: земство не только не береть никакой платы, но еще помогаетъ курсистамъ, платя имъ по 40 к. въ день за работы на земской хуторѣ (подъ городомъ), гдѣ устроены практическіе курсы.

Жители приволжского гор. Василя недавно подали петицію обь открытии средняго учебнаго заведенія, въ которомъ давно нуждается городокъ, отставшій въ этомъ отношеніи отъ сосѣднихъ, болѣе захолустныхъ и бѣдныхъ городковъ по Сурѣ и Ветлугѣ. Большинство подписей на петиціи принадлежитъ мѣщанамъ, кои, однако, не желутъ успѣха, такъ какъ пришлося подавать петицію нынѣшнему составу городской управы, черезчуръ далекому отъ серьезныхъ заботъ о просвѣщеніи своихъ горожанъ.

На «волжскомъ» пароходѣ «Императрица» въ одинъ изъ рейсовъ прошлаго лѣта обращалъ вниманіе пожилой студентъ, лѣтъ за 30, казанскаго университета. Онъ оказался студентомъ первого курса медицинскаго факультета, а раньше 12 лѣтъ былъ земскимъ фельдшеромъ. Будучи семейнымъ человѣкомъ, онъ содержитъ себя и семью именно фельдшерской практикой въ Казани: съ разрѣшеніемъ врачей принимаетъ больныхъ, помогаетъ врачамъ, занимается массажемъ и пр. Какимъ-то американскимъ духомъ вѣяло отъ этого почтеннаго и жизнерадостнаго студента-фельдшера, который и учится и семью кормить, не прибѣгая къ общественной благотворительности...

Въ деревнѣ Огурцевой, Воронинской волости Череповецкаго уѣзда, проживаетъ крестьянинъ Федоръ Егоровичъ Цѣликовъ—разносторонній изобрѣтатель. Онъ открылъ антипожарную жидкость, отъ пропитыванія коей дерево и ткани не горятъ, а медленно тлѣютъ. Его жидкость, благодаря дешевизнѣ (7 р. ведро), ходко разбирается въ округѣ. На сельско-хозяйственной выставкѣ въ Череповѣцѣ 1906 г. Цѣликовъ получилъ медаль и тысячу рублей субсидіи на дальнѣйшіе опыты. Ему же земство дало 200 р. на усовершенствованіе особой печи для овиновъ, устраниющей частые пожары ихъ и очень выгодной: трехъ полѣнъ достаточно для просушки 200 сноповъ... Цѣликовъ же открылъ средство противъ костоѣды и пр. пр. Изобрѣтательности его нѣть конца.

Растеть въ народѣ и политическое сознаніе... На пристани Василя заспорили какъ-то русскіе и татары о преимуществахъ своихъ народностей. Споръ былъ горячій и довольно нелѣпый, особенно съ русской стороны. И вдругъ нелѣпья притязанія русскихъ на верховенство были разбиты русскимъ же крестьяниномъ. Онъ говорилъ:

— Я за татаръ!.. потому, хоть вѣры у насъ разныя, а мы всѣ живемъ подъ однимъ царемъ, и царь никого не конфузить: всѣ у него равны...

Эти золотыя слова, выражавшія не столько живую дѣйствительность, сколько желательное направленіе ея, произвели громадное впечатлѣніе на толпу, и споры смолкли...

Но всѣ эти здоровыя явленія въ народѣ такъ рѣдки сравнительно съ его миллионными массами, продолжающими пребывать въ темнотѣ

временъ чуть ли не «скиевъ и сарматовъ»... И настоятельно поднимается вѣковой вопросъ: какими мѣрами можно поднять мужика?.. «Всеобщее обученіе»—дѣло доброе, но оно не подниметъ мужика, ибо дастъ ему простую грамотность. О болѣе же серьезнѣ образованіи его мы и мечтать не можемъ, по нашей бѣдности... Сытость мужика тоже благое дѣло, но и оно мало разовьетъ его... Всего легче и скорѣе можно поднять мужика, сдѣлавши его жизнь интереснѣе, втянувъ его въ общественную дѣятельность, сначала около себя—въ маленькихъ ячейкахъ прихода, всесословной волости, мелкой земской единицы, а попутно—и въ экономическихъ организаціяхъ (кооперативы, артели и т. п.). Тутъ онъ будетъ «живъ не о хлѣбѣ единомъ» и сразу вырастетъ во всѣхъ отношеніяхъ, раздвинувъ свои умственные горизонты до широкихъ предѣловъ. И только такая политика спасеть Россію отъ всѣхъ грядущихъ бѣдъ, снесеть всѣ россійскія «декорации» и на мѣстѣ ихъ поставить подлинную жизнь.

Н. Н. Оглоубинъ.

